НИК. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

СБѢЖАВШІЙ КАТОРЖНИКЪ

РОМАНЪ

Продолженіе романа
„Демонъ Пустыни“

ИЗДАНІЕ М. ДИАКОВСКАГО—РИГА

Н. Н. Брешко-Брешковскій

Сбѣжавшій Каторжникъ

РОМАНЪ

Продолженіе романа

„Демонъ Пустыни“

ИЗДАНІЕ М. ДИДКОВСКАГО — РИГА

Эта книга напечатано
въ типографіи „Vārds“
Рига, Плавучая ул. 24.

1. По слѣдамъ Герца.

Они сидѣли втроемъ въ маленькомъ кабинетѣ, томъ самомъ, откуда еще такъ недавно герцогъ Санъ-Феличе и начальникъ контръ-развѣдки снаряжали Пинедо и Короченцева къ „Демону пустыни“.

Нѣсколько дней всего какихъ-нибудь минуло, а развѣ остановить бѣгъ событій? И, это самое главное, развѣ предусмотришь, предугадаешь этотъ ихъ мелькающій бѣгъ?!..

Итакъ, ихъ трое. Тѣ-же, что были тогда, герцогъ и полковникъ, а третій — сухой человѣкъ съ моложавымъ лицомъ, человѣкъ жокейскаго типа и вѣса.

Это — Кнапъ.

Онъ сегодня только высадился въ Триполи и сегодня-же устроилъ тайное совѣщаніе съ начальникомъ контръ-развѣдки и командиромъ первой роты иностраннаго легіона.

Идучи на это собесѣдованіе, Кнапъ не сомнѣвался въ его результатахъ: Герцъ, именующій себя въ легіонѣ какъ-нибудь иначе, будетъ доставленъ въ этотъ-же самый кабинетъ, допрошенъ, и Кнапъ возьметъ неуловимаго убійцу въ такую основательную передѣлку, что отъ Герца едва-ли останется что-нибудь.

А то, что останется, будетъ заковано въ ручныя и ножныя кандалы и уже самъ Кнапъ доставитъ въ Европу, этотъ завидный человѣческій трофей. Трофей, который будетъ оспаривать и у него, Кнапа, и другъ у друга полиція Рима, Лондона, Парижа, Мадрида, Брюсселя.

Торжествуя побѣду, почти тріумфаторомъ входилъ Кнапъ въ дверь маленькаго кабинета, затеряннаго въ хаосѣ каменныхъ корридоровъ.

Но, увы, за этой дверью подстерегало его самое вѣроломное разочарованіе.

Здѣсь полоса везенія кончилась. За двумя рѣдкими удачами въ Варшавѣ, въ Триполи ему съ мѣста не повезло. Но это мы сейчасъ увидимъ изъ разговора.

Начальникъ контръ-развѣдки по службѣ своей зналъ, что за первоклассная величина этотъ худенькій, весь изъ стали и нервовъ человѣкъ, въ мірѣ политическаго и уголовнаго сыска. Зналъ — и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, былъ оказанъ радушный внимательный пріемъ Кнапу.

Ужъ если онъ примчался сюда, онъ, этотъ охотникъ за крупнымъ звѣремъ, значитъ звѣрь во всѣхъ отношеніяхъ исключительный.

Герцогъ много меньше былъ знакомъ съ дѣятельностью Кнапа, но имя его давно слышалъ и поэтому съ любопытствомъ всматривался въ это маленькое подвижное лицо съ крупнымъ выдвинутымъ впередъ лбомъ.

Кнапъ началъ съ того, съ чего слѣдовало начать.

— Господинъ полковникъ, господинъ капитанъ . . . По моимъ точнымъ, провѣреннымъ свѣдѣніямъ въ вашъ иностранный легіонъ проникъ очень опасный коммунистическій агитаторъ, преступникъ, не брезгающій солидными кражами и убійствами, ничуть не политическаго, а самаго криминальнаго характера.

Его настоящая фамилія — Герцъ. Его особая примѣта — коричневое . . . — тутъ Кнапъ и самъ осѣкся и съ какимъ-то недобрымъ предчувствіемъ взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ. Оба невольно сдѣлали движеніе къ нему черезъ столъ.

— Неужели, неужели я опоздалъ? — съ трудомъ вымолвилъ Кнапъ послѣ нѣкоторой паузы.

— И, представьте, всего на какихъ-нибудь нѣсколько часовъ! — отвѣтилъ начальникъ контръ-развѣдки.

— Вы его упустили, господинъ полковникъ?! — не могъ удержаться Кнапъ отъ упрека. Еще-бы: столько времени, столько усилій, столько потраченной энергіи и, не угодно-ли, — опоздалъ на нѣсколько часовъ.

— Я вамъ сейчасъ объясню. И, вы увидите, нами сдѣлано было все — оправдывался полковникъ. — Впрочемъ, надѣюсь, герцогъ возьметъ на себя этотъ маленькій трудъ, какъ прямое начальство сбѣжавшаго легіонера. Будьте добры, герцогъ . . .

Санъ-Феличе, отвѣтивъ легкимъ поклономъ, обратился къ Кнапу:

— Сначала я набросаю вамъ въ бѣглыхъ штрихахъ обстановку . . . Вы знаете, какъ вербуются солдаты во всѣ иностранные легіоны? . . И во французскіе, испанскіе, бельгійскіе, и наконецъ у насъ? Въ этомъ отношеніи мы, итальянцы — новички, дебютанты.

Основное требованіе — физическая выносливость и подписанный на пять лѣтъ контрактъ . . .

Біографія вступающаго въ легіонъ не только не интересуетъ насъ, но мы и не можемъ интересоваться ею. Мы заранѣе идемъ на то, что къ намъ поступаютъ въ большинствѣ люди съ темнымъ прошлымъ и подъ фамиліей менѣе всего своей собственной и чаще всего — вымышленной . . .

Правда, я пытался дѣлать, такъ называемый психологическій отборъ, отклоняя кандидатуру типовъ, крайне уже подозрительныхъ. Но и здѣсь вы не застрахованы отъ ошибокъ. Развѣ не случалось такъ: рѣзко выраженный преступникъ съ перваго-же взгляда, а на самомъ дѣлѣ, человѣкъ рѣдкихъ моральныхъ качествъ . . . И, на-

оборотъ, — по внѣшности ходячая добродѣтель, а оказывается, великолѣпнѣйшій экземпляръ закоренѣлаго каторжника. Вы, мосье Кнапъ, вы не согласны развѣ съ этимъ? Черезъ ваши руки прошла такая богатая портретная галлерея человѣческихъ документовъ? .

— Я раздѣляю вашу точку зрѣнія, господинъ герцогъ . . Ничего нѣтъ обманчивѣй наружносги, господинъ герцогъ . . . Итакъ?

— Итакъ, продолжаю... Въ Неаполѣ, какъ сейчасъ помню, тринадцатымъ по счету у меня записался нѣкій Теодоръ Тилло . Я присматривался къ нему. Внѣшность, какъ внѣшность. Не было никакого основанія не принять. Онъ держался очень корректно и было основаніе полагать, что изъ него получится дисциплинированный солдатъ .

Около двухъ недѣль назадъ мы высадились въ Триполи и моя рота заняла бывшія кавалерійскія казармы. Въ первые дни Теодоръ Тилло держалъ себя вполнѣ, какъ подобаетъ. Ходилъ на гимнастику, на строевыя занятія. Подъ наблюденіемъ унтеръ-офицера изучалъ винтовку, ружейные пріемы, словомъ, не разнился ничѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ легіонеровъ . . Но это продолжалось очень недолго. Ко мнѣ начали поступать жалобы, что онъ, Тилло, ведетъ агитацію среди солдатъ гарнизона, агитацію, какъ антиитальянскую, такъ и коммунистическую . . Наши агенты слѣдили за нимъ въ кофейняхъ, въ кабачкахъ, въ сосѣднихъ оазахъ. Его видѣли въ компаніи берсальеровъ, матросовъ съ военныхъ кораблей и стрѣлковъ нашего негритянскаго батальона аскаріевъ. Выяснилось, что Тилло располагаетъ большими деньгами. Онъ тратилъ ихъ на угощеніе тѣхъ, среди кого агитировалъ, онъ раздавалъ ихъ и берсальерамъ, и матросамъ и аскаріямъ и молодежи туземнаго населенія.

Я посовѣтовался съ господиномъ полковникомъ и мы рѣшили арестовать негодяя и отдать

въ руки военно-полевыхъ судебныхъ властей. Въ этомъ отношенiи у насъ не церемонятся. Судъ постановилъ-бы разстрѣлять, тотчасъ-же по выясненiи личности преступника и его сообщниковъ.

Тилло, несомнѣнно узнавъ, что его собираются схватить, скрылся за какихъ-нибудь полчаса до прибытiя въ казармы нѣсколькихъ чиновъ полевой жандармерiи.

Сообщено было въ портъ. Всѣ уходящiя парусныя суда, всѣ моторныя лодки, пассажирскiе и коммерческiе пароходы были подвергнуты тщательному обыску. Но ни въ каютахъ, ни въ трюмахъ, нигдѣ Тилло обнаруженъ не былъ . . . Поиски во всѣхъ подозрительныхъ трущобахъ и въ кварталахъ, гдѣ ютятся подонки европейской эмиграцiи — дали такiе-же печальные результаты . . .

Теодора Тилло нигдѣ не нашли. Не оставалось никакихъ сомнѣнiй, что онъ убѣжалъ въ пустыню къ шейку Али-Ахмету, нашему заклятому врагу. Вотъ и все, что мнѣ извѣстно объ этомъ человѣкѣ, котораго вы называете Герцомъ.

Кнапъ, выслушавъ Санъ-Феличе, молвилъ:

— Я послѣдую за нимъ къ Али-Ахмету и постараюсь его извлечь оттуда. Попутно займусь и самимъ Али-Ахметомъ.

— Онъ васъ знаетъ, этотъ Герцъ? — спросилъ начальникъ контръ-развѣдки.

— Слышалъ обо мнѣ, разумѣется, но видѣть меня никогда не видѣлъ. Я проникну въ ставку Али-Ахмета, какъ членъ польской коммунистической партiи. Всѣ соотвѣтствующiя бумаги и удостовѣренiя имѣются при мнѣ . .

Посовѣщались. Черезъ нѣсколько минутъ герцогъ и Кнапъ были уже гостинницѣ, въ комнатѣ сыщика.

— У меня большая, большая къ вамъ просьба, мосье Кнапъ — началъ герцогъ. — Тамъ, быть можетъ, вамъ удастся напасть на слѣдъ одной прелестной дѣвушки — наѣздницы мѣстнаго

цирка. Ее зовутъ Дина-Белла. Въ ночь нашего прибытія сюда она была похищена и увезена въ пустыню . Могу я разсчитывать на ваше содѣйствіе?. .

— О, господинъ герцогъ, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ силахъ для отысканія и освобожденія этой Дина-Беллы.

— Благодарю васъ! — крѣпко пожалъ его руку Санъ-Феличе. — Если вамъ предстоятъ расходы, если потребуютъ выкупъ, — я къ вашимъ услугамъ, распоряжайтесь мною. Назовите необходимую вамъ сумму въ золотѣ и ассигнаціями въ какой угодно валютѣ. Очень прошу не стѣсняться въ расходахъ.

— Да, да... — машинально повторялъ Кнапъ, уже увлекаясь перспективою освобожденія похищенной артистки: какъ профессіоналъ - спортсменъ, какъ художникъ своего дѣла, готовился онъ къ тѣмъ сильнымъ ощущеніямъ, которыя поджидаютъ его въ ставкѣ Али-Ахмета . . . Готовился и уже цѣликомъ былъ во власти ихъ . . .

2. При свѣтѣ факеловъ.

Еще такъ недавно, нѣсколько дней тому назадъ „Демонъ пустыни" благоволилъ къ своему татуированному бѣлому рабу, осыпалъ его драгоцѣнностями, знаками вниманія и даже почестями.

Давно-ли обѣщалъ шейхъ своему шпіону:

— Кастаньяро, когда я сброшу итальянцевъ въ море и вся Ливійская пустыня назоветъ меня своимъ халифомъ, когда я буду султаномъ Киренаики, Бенгази и Триполи, я создамъ такой пышный дворъ у себя, съ такимъ блескомъ, который заставитъ вспомнить золотой вѣкъ Сулеймана Великолѣпнаго. И тогда, тогда никто изъ моихъ вѣрныхъ слугъ не будетъ забытъ, слышишь, никто!..

Атлетъ слушалъ и въ немъ просыпалось какое-то особенное честолюбіе, другое чѣмъ онъ зналъ до сихъ поръ.

До сихъ поръ онъ думалъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе почетнаго, какъ ремесло атлета, работающаго желѣзомъ и получающаго за это деньги и аплодисменты.

„Демонъ пустыни", именно, какъ демонъ-искуситель, разбудилъ въ Кастаньяро честолюбіе совсѣмъ иного рода. Кастаньяро вспоминалъ свои гастроли въ Мексикѣ. Онъ тамъ вдоволь насмотрѣлся на мексиканскихъ генераловъ.

Какія звѣзды, ордена! Какое золотое шитье мундировъ! А эти бѣлые, какъ снѣгъ, панталоны съ широкимъ генеральскимъ лампасомъ! А эти треугольныя шляпы съ плюмажемъ!

И какъ, это самое главное, легко все дается!

Никакихъ спеціальныхъ образованій, никакихъ военныхъ училищъ. Все это, какъ ненужный хламъ, отметается.

Кастаньяро помнитъ, на одномъ изъ парадовъ онъ видѣлъ нѣсколько такихъ генераловъ во всемъ ихъ ослѣпительномъ великолѣпіи.

И помнитъ, рядомъ съ нимъ говорили между собою два мексиканца.

— Видишь, этотъ съ закопченнымъ лицомъ? Это Вацкесъ, бывшій чистильщикъ сапогъ.

— А этотъ налѣво, толстый?

— Это Діацъ. Онъ держалъ кабачокъ на окраинѣ Пуэблы.

— А эти трое?

— Эти трое? Бывшій мужикъ, бывшій ковбой и бывшій бандитъ.

Кастаньяро тогда никакого вниманія не обратилъ на эти генеральскія біографіи. Онъ и забылъ про нихъ. Но теперь, когда Али-Ахметъ поманилъ его сладкимъ миражемъ высокаго придворнаго званія въ ближайшемъ будущемъ, Кастаньяро вспомнилъ ихъ, эти біографіи... Вспомнилъ съ чувствомъ собственнаго превосходства. Чистильщикъ сапогъ, кабатчикъ, мужикъ, ковбой и бандитъ. И всѣ пятеро — мексиканскіе генералы. Въ такомъ случаѣ ему, „королю желѣза" уже безо всякаго сомнѣнія надлежитъ быть, ну, хотя-бы, триполитанскимъ фельдмаршаломъ.

Какія чудовищныя звѣзды! Какой мундиръ, твердый, какъ панцырь, отъ золотого шитья и вѣсомъ, примѣрно — въ десять кило!

И вотъ, грезы о фельдмаршальскомъ званіи со всѣми вытекающими изъ него почестями, развѣялись, какъ дымъ.

Послѣ того, какъ, передъ Али - Ахметомъ упала на колѣни избитая, истерзанная Дина-Белла, послѣ того, какъ „Демонъ пустыни" приказалъ Кастаньяро выйти сегодня противъ Пинедо, причемъ Пинедо будетъ вооруженъ, а Кастаньяро не будетъ „король желѣза" пришелъ къ заключенію, что звѣзда его, если и не закатилась еще, то, во всякомъ случаѣ, склоняется къ закату.

Не успѣлъ это подумать Кастаньяро, какъ уже на чемъ свѣтъ выругалъ себя.

— Дуракъ, болванъ, оселъ, скотина! О, до чего я непроходимо глупъ! Я, считавшій себя всегда умнымъ человѣкомъ! Ясно-же, какъ день, что шейхъ желаетъ моей погибели. Онъ идетъ къ этой цѣли со свойственнымъ ему коварствомъ. Онъ не желаетъ отдать меня руки палача. Онъ желаетъ, чтобы Пинедо въ борьбѣ выпустилъ мнѣ всѣ кишки. И все изъ за этой Дина-Беллы, все потому, что Али-Ахметъ приревновалъ меня къ ней! Да будь она проклята, эта дѣвчонка! Если-бы я зналъ, что навлеку на свою голову гнѣвъ шейха, развѣ я возился-бы съ нею? Развѣ сталъ-бы держать у себя? Надо было сразу поднести дѣвчонку ему въ даръ и мы на вѣки вѣчные остались-бы съ нимъ друзьями. А такъ... — Какъ затравленный охотниками въ чащѣ дикій кабанъ, метался Кастаньяро въ своемъ опустѣвшемъ домикѣ.

Да, опустѣвшемъ. Дина-Белла не только сама ушла, но еще Али-Ахметъ разрѣшилъ ей взять съ собой въ гаремъ и старую негритянку. Мало этого. Черезъ какіе-нибудь полчаса „Демонъ пустыни" прислалъ своего адъютанта съ требованіемъ отпустить немедленно повара. И поваръ, эта черная обезьяна, ушелъ напѣвая, приплясывая и гримасничая, какъ помѣшанный отъ радости...

Очевидно, эта подлая вѣдьма Абу пожаловалась Дина-Беллѣ, а та шейху, что Кастаньяро жестоко обращается съ поваромъ.

Подумаешь, какая жестокость! Нельзя разъ-другой съѣздить по зубамъ, когда негръ это заслужилъ.

Кастаньяро готовъ былъ весь свѣтъ утопить въ ложкѣ воды.

Чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ сильнѣе тряслось лихорадкою массивное, могучее тѣло его.

Наконецъ онъ не выдержалъ и, будь, что будетъ, отыскалъ шейха и распростерся передъ нимъ, въ пыли и во прахѣ.

— Великій шейхъ! Если твои свѣтлые очи не могутъ больше выносить моего вида, прикажи палачу снести саблей мою преданную тебѣ голову. Наконецъ, самъ застрѣли меня, какъ собаку, но не заставляй выходить противъ Пинедо, этой коварной змѣи, нашедшей путь къ твоему благородному сердцу.

Шейхъ въ отвѣтъ смѣялся, смѣялся одними глазами, но страшенъ былъ этотъ „смѣхъ".

— Встань, Кастаньяро, встань! Противно смотрѣть, когда такая громадная туша валяется. Встань-же, говорятъ тебѣ. О, самый сильный человѣкъ въ мірѣ и самый, пожалуй, презрѣнный трусъ. Слушай, есть у французскаго писателя Мопассана, ты его врядъ-ли знаешь, одинъ разсказъ. Какой-то молодой человѣкъ, боясь предстоящей дуэли, самъ застрѣлился. Нервы не выдержали, струсилъ. Такъ и ты! Подумай, ты готовъ подставить шею подъ саблю палача, другими словами готовъ пойти на вѣрную смерть, тогда какъ схватка съ Пинедо можетъ окончиться въ твою пользу. Напряги всю свою силу, выдумай какой-нибудь ловкій пріемъ и докажи всѣмъ намъ, что всѣ твои росказни о твоей нечеловѣческой силѣ не одно только пустое бахвальство.

— Великій шейхъ!..

— Ни слова больше! Молчать! Пошелъ прочь съ моихъ глазъ! Не будь противной, плаксивой бабою, а лучше освѣжись и потренируйся, какъ слѣдуетъ, къ предстоящему состязанію. Обѣщаю тебѣ: вы сойдетесь лицомъ къ лицу въ условіяхъ, достойныхъ древне-римскихъ гладіаторовъ.

Условія, дѣйствительно, оказались болѣе, чѣмъ достойными. Раскопки, изъ глубины мертвыхъ песковъ воскресившія античный дворецъ какого-то римскаго патриція, воскресили и еще одно чудо архитектуры. Этимъ чудомъ архитектуры былъ мраморный амфитеатръ со сценою внизу на не особенно значительной глубинѣ. Надъ этой сценою, имѣвшей видъ половины круга, разрѣ-

заннаго по діаметру, правильными концентрическими кольцами поднимались мраморныя скамьи для зрителей.

Къ ночи освѣщенный гигантскимо факелами амфитеатръ являлъ собою столь-же декоративную, сколь и живописную картину.

Трепетное пламя факеловъ озаряло смуглыя, бородатыя лица многочисленныхъ зрителей — шейха, его свиты и приближенныхъ. Весь амфитеатръ, вмѣстившій въ себѣ около трехсотъ человѣкъ, былъ густо заполненъ. Бѣлые бурнусы, бѣлые тюрбаны, алыя фески, зеленыя чалмы старыхъ сѣдобородыхъ муллъ, все это переливалось праздничными, яркими пятнами. Теплый красноватый свѣтъ факеловъ зажигалъ ослѣпительнымъ сверканіемъ бриллiанты, рубины, изумруды, сапфиры, зажигалъ несмѣтное богатство, которымъ усыпаны были кривые кинжалы и сабли воинственныхъ арабовъ, фантастически влюбленныхъ въ оружіе.

Сидѣвшій на самой верхней скамьѣ на бархатной малиновой подушкѣ Али-Ахметъ мановеніемъ руки подалъ знакъ начинать.

На сцену, застланную мягкимъ пушистымъ ковромъ, съ противоположныхъ концовъ одновременно вошли Пинедо и Кастаньяро. Это уже не были, какъ утромъ, солдатъ, одѣтый легіонеромъ и маскарадный бедуинъ въ бурнусѣ. Обоимъ велѣно было Али-Ахметомъ предстать на состязаніе полуобнаженными, въ однихъ короткихъ гимнастическихъ трусикахъ.

Едва арабы увидѣли Пинедо, шопотъ восхищенья пронесся по всему амфитеатру отъ нижнихъ и до самыхъ верхнихъ скамей. Сыновья пустыни, понимающіе толкъ въ мужественной красотѣ, залюбовались рельефной мускулатурою свѣтловолосаго Геркулеса. Онъ имъ напомнилъ одного изъ тѣхъ мраморныхъ языческихъ боговъ, которыхъ они находили здѣсь нѣсколько лѣтъ

назадъ, неустанно, изо дня въ день, производя раскопки.

— Да, мраморный богъ, но теплый, ожившій, трепещущій — Пинедо еще утромъ завоевалъ симпатіи! Сейчасъ онѣ еще укрѣпились.

Нельзя было этого сказать про Кастаньяро.

Чудовищный, неуклюжій съ короткой шеей, весь въ волосахъ и въ татуировкѣ, поблѣднѣвшій, дрожащій, онъ скорѣе отталкивалъ, чѣмъ привлекалъ.

Однимъ прыжкомъ очутился на сценѣ высокій мрачнаго вида негръ, одинъ изъ тѣлохранителей „Демона пустыни", и двумя руками бережно протянулъ Пинедо небольшой отточенный съ обѣихъ сторонъ, узкій и острый на концѣ, какъ игла, поясъ.

Увидѣвъ это, Кастаньяро утратилъ послѣдніе остатки жалкаго самообладанія своего.

— Начинайте! Начинайте! — нетерпѣливо крикнулъ по-итальянски сверху Али-Ахметъ.

И все замерло. Только потрескиванье факеловъ явственно раздавалось въ затаившемся безмолвіи. Никто не дышалъ, всѣ ждали момента, когда античный ожившій богъ, какъ разъяренный тигръ, бросится на своего противника, чтобы отомстить ему за его недавнее вѣроломство.

Но Пинедо стоялъ на мѣстѣ, словно поглощенный какой-то думою. Казалось, онъ забылъ и про свой ножъ и про лицо съ бородой, искаженное страхомъ, лицо Кастаньяро, болѣе чѣмъ, когда-либо, напоминавшаго въ этотъ моментъ доисторическаго пещернаго человѣка. Не хватало лишь звѣриной шкуры и тяжелой палицы.

3. Послѣ тріумфа — за рѣшетку.

Пылкими арабами начало овладѣвать нетерпѣніе .

Тишина смѣнилась ропотомъ, легкимъ, какъ дуновеніе вѣтра въ пальмовой листвѣ.

Всѣ въ недоумѣніи переглядывались между собой и смотрѣли внизъ на борцовъ, вѣрнѣе на одного Пинедо. Да, только Пинедо былъ центромъ вниманія, Кастрньяро-же казался какимъ-то придаткомъ къ нему.

И „придатокъ“ ничего не понималъ, какъ и зрители, но это ничуть не уменьшало его опасеній за свою великолѣпную особу, а даже, наоборотъ, увеличивало.

Наконецъ сверху Али-Ахметъ бросилъ свое повелительное:

— Пинедо, я уже приказалъ тебѣ начинать! Или ты дожидаешься какихъ-то особыхъ приглашеній!

Дрожью по всему тѣлу Пинедо пробѣжалъ этотъ окрикъ и атлетъ — никто не зналъ, не понималъ, что съ нимъ творится, и онъ самъ, пожалуй, меньше всѣхъ — встрепенулся и, сжимая рукоятку игольчатаго своего стилета, нерѣшительно двинулся къ Кастаньяро.

Шелестящій ропотъ умолкъ. Ну, теперь-то и начнется обѣщанное шейхомъ кровавое, — оно должно быть кровавымъ, — зрѣлище.

Кастаньяро охотно улизнулъ-бы съ этой похожей на ущербленный мѣсяцъ арены — по привычкѣ онъ ее называлъ ареной. Но улизнуть вовсе не такъ легко. Негры-нубійцы личнаго конвоя шейха, все сплошь черные великаны, сто-

яли у самой сцены съ длинными копьями и, если-бы Кастаньяро вздумалъ бѣжать, черные гиганты встрѣтили-бы его щетиною своихъ копій.

На мигъ окрыленная надеждою публика, такъ-же мгновенно разочаровалась. Пинедо послѣ двухъ - трехъ шаговъ остановился и остановился весьма основательно.

Это уже вызвало настоящій взрывъ неудовольствія. А шейхъ, — тотъ разгнѣвался всерьезъ.

— Эй, бѣлокурый геркулесъ, ты, кажется, вздумалъ испытывать мое терпѣніе? Не полагаешь-ли ты, что оно растяжимо, какъ гуттаперча? Будешь ты нападать, или нѣтъ? Мои гости ждутъ зрѣлища и дождутся его, если-бы даже тебѣ для поощренія надо было всыпать двадцать ударовъ кнутомъ изъ гиппопотамовой кожи. .

Пинедо, словно рѣшившись на что-то, рѣзко повернулся къ Али-Ахмету и поднялъ обѣ руки, какъ поднимали ихъ гладіаторы, обращаясь къ цезарю, а теперь поднимаютъ матадоры къ королевской ложѣ во время боя быковъ.

— Великій шейхъ! Ты воленъ въ моей жизни и смерти, воленъ наказать меня кнутомъ, я весь въ твоей власти, но я не могу атаковать безоружнаго человѣка, самъ будучи вооруженъ. Не могу! Этого не позволяетъ мнѣ моя совѣсть. Да и кромѣ того, взгляни на него, шейхъ. Онъ весь дрожитъ, дрожитъ, какъ подлый трусъ! Развѣ онъ будетъ сопротивляться? Онъ дастъ заколоть себя, какъ мѣшокъ съ картофелемъ, Это уже не состязаніе, не спортъ, это уже бойня! А выступать, великій шейхъ, въ роли мясника, я не могу и не хочу! Пощади меня, великій шейхъ!

И съ этими послѣдними словами Пинедо опустилъ руки.

Минута зловѣщаго молчанія. И чѣмъ тише было, тѣмъ ощутительнѣе накапливалась гроза... Пинедо видѣлъ снизу, какія молніи метали глаза

„Демона пустыни“ и какая глубокая складка легла у него поперекъ лба между бровями.

Шейхъ что-то вскрикнулъ и восемь нубійцевъ конвоя поднялись на сцену и такимъ тѣснымъ черным кольцомъ окружили Пинедо, что онъ исчезъ среди нихъ со своимъ бѣлымъ мускулистымъ тѣломъ.

Кастаньяро, не ожидавшій такого конца, обезумѣлъ отъ счастья. Онъ живъ, живъ, онъ будетъ живъ! Бородатое лицо, лицо пещернаго человѣка, за минуту изуродованное животнымъ страхомъ, теперь улыбалось, улыбалось сознаніемъ, что теперь уже не грозитъ ему этотъ маленькій, какъ бритва отточенный кинжалъ.

Но странное дѣло, ни на одну секунду, случайно хотя-бы не шевельнулась у Кастаньяро самая обыкновенная человѣческая признательность къ Пинедо за его рыцарскій поступокъ — поступокъ, за который онъ самъ понесетъ жестокое наказаніе.

Шейхъ, переговоривъ о чемъ-то съ вождями по правую и лѣвую руку свою, словно въ чемъ-то убѣждая ихъ, вновь кинулъ отрывистый окрикъ людямъ своего конвоя.

Тѣ тотчасъ-же разступились, открывъ своими тѣлами Пинедо.

— Наказать тебя за твое непослушаніе я всегда успѣю — громко, чеканя каждое слово, обратился къ нему шейхъ. — Но если ты лишилъ моихъ гостей полнаго удовольствія по своей винѣ и по ослиному упрямству своему, то я требую, чтобы ты позабавилъ ихъ греко-римской борьбой съ Кастаньяро, уже въ одинаковыхъ, равныхъ условіяхъ. Надѣюсь, ты больше не будешь торговаться? Считаю: разъ, два...— едва шейхъ произнесъ „три“, борцы уже стояли другъ противъ друга.

Сейчасъ, при одинаковыхъ условіяхъ, Кастаньяро ощутилъ приливъ не отваги, нѣтъ, а бѣшенства и буйной, торжествующей злобы. Пусть

борьба перейдетъ въ самую жестокую драку. Пусть! Кастаньяро даже самъ позаботится объ этомъ, но теперь его жизнь внѣ опасности. Это самое главное, а остальное — остальное будетъ видно.

И пытаясь владѣть собою, онъ постановилъ: Онъ будетъ вести схватку медленно, осторожно, не особенно тратя силы и не выматываясь, чтобы подольше сберечь дыханіе и сердце, подточенное алкоголемъ и много уступающее сердцу Пинедо.

Подавшись впередъ всѣмъ туловищемъ, принимая локти къ бокамъ, чтобы Пинедо не поймалъ его на стремительный, случайный пріемъ, Кастаньяро, не думая пока о нападеніи, приготовился къ защитѣ.

И вотъ они сблизились—Кастаньяро и Пинедо, принявшій такую-же позу. Торсъ и голова впередъ, локти прижаты къ бокамъ.

Такъ нащупывали они другъ друга, напряженные, съ глазами, подстерегавшими самое малѣйшее движеніе. Вотъ встрѣтились ихъ руки. Пинедо зажималъ руки Кастаньяро, Кастаньяро зажималъ руки Пинедо.

Зрители, понявъ всю серьезность борьбы, съ самаго начала увлеклись ею и ничего не было слышно, кромѣ потрескиванія факеловъ и глухихъ шаговъ по ковру двухъ противниковъ.

Улучивъ моментъ, сдѣлавъ бодающее движеніе, Кастаньяро ударилъ головою Пинедо въ грудь — въ область сердца.

Пинедо успѣлъ во время отскочить и этимъ ослабилъ ударъ, все-же настолько чувствительный, что бѣлокурый геркулесъ поблѣднѣлъ.

Довольное рычаніе вырвалось у Кастаньяро и онъ хотѣлъ повторить свой бодающій ударъ, но Пинедо былъ на чеку. И когда Кастаньяро бросилъ впередъ всю свою тяжесть, увѣренный, что этотъ новый ударъ въ грудь свалитъ ненавистнаго противника, Пинедо неуловимымъ дви-

женіемъ, подался въ сторону и лобъ Кастаньяро вмѣсто груди встрѣтилъ воздухъ и не найдя точки опоры, рванулся впередъ, увлекая за собой всю тушу атлета. Кастаньяро, упавъ, грохнулся ничкомъ на коверъ.

Не давъ ему опомниться, вскочить, Пинедо, однимъ прыжкомъ сверху, очутился на немъ и началъ массировать локтемъ его бычачью шею, готовясь перевернуть Кастаньяро на спину посредствомъ пріема-рычага, называемаго, „Нельсономъ."

Али-Ахметъ первый зааплодировалъ, а за нимъ и весь амфитеатръ. Всѣ радовались первому успѣху Пинедо и всѣ единодушны были въ своей антипатіи къ его грубому, неповоротливому и жестокому партнеру.

Теперь уже Кастаньяро злился не только на Пинедо, но и на всѣхъ тѣхъ, кто поощрялъ его аплодисментами. Злоба увеличила и безъ того громадную силу Кастаньяро и напрягши свою толстую шею, свои чудовищнаго обхвата руки, онъ грузно, медленно, приподнялся на четвереньки, вмѣстѣ съ Пинедо, сидѣвшимъ на его широкой спинѣ. Пинедо, сознавая, что въ такомъ положеніи ему не перевернуть Кастаньяро, вскочилъ и потребовалъ продолженія борьбы въ стойкѣ, на что имѣлъ полное право. И вновь сходились они, сходились такъ близко, что Пинедо слышалъ біеніе сердца Кастаньяро, біеніе, напоминавшее кузнечный мѣхъ. Хорошій знакъ. Онъ уже понемногу начинаетъ сдавать, Кастаньяро. Кастаньяро-же въ свою очередь хотѣлъ вывести противника своего изъ строя какимъ-нибудь недозволеннымъ пріемомъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ всю свою жизнь.

Опять ударъ головой, но уже не въ грудь, а въ лицо, разбившій носъ и губы.

Негодующіе крики со всѣхъ скамей... Возмущенные поведеніемъ Кастаньяро, вспыльчивые арабы хватались за рукоятки своихъ кинжаловъ и сабель!

Растерянный Кастаньяро мимикой, жестикуляціей отвѣчалъ на эти гнѣвные возгласы.

Пинедо, молча, вытеръ полотенцемъ окровавленное лицо свое и со спокойствіемъ, вызвавшимъ новый приливъ восхищенія у зрителей, продолжалъ борьбу. Онъ заматывалъ нелѣпо и тяжело прыгающаго Кастаньяро, обманывалъ его, сбивалъ съ толку цѣлымъ каскадомъ молніеносныхъ недоведенныхъ до конца пріемовъ и, когда уже Кастаньяро совсѣмъ обалдѣлъ, учащенно дыша и безъ толку размахивая руками, Пинедо, согнувшись, бросился къ нему, обхватилъ и, выпрямившись вмѣстѣ съ Кастаньяро, который очутился на его плечѣ свомъ животомъ, закружился до мельканія и ряби въ глазахъ.

Это былъ одинъ сплошной мелькающій кругъ: самый зоркій глазъ не могъ отдѣлить Пинедо отъ Кастаньяро. Вдругъ это мельканіе прекратилось, замерло. Какой-то грохотъ — и Кастаньяро лежалъ на обѣихъ лопаткахъ, а Пинедо стоялъ надъ нимъ, наступивши ему на грудь въ позѣ гладіатора, одержавшаго побѣду надъ дикимъ чудовищнымъ варваромъ.

Громъ дружныхъ рукоплесканій и оглушительныхъ овацій былъ заслуженной наградою побѣдителю. Казалось, факелы меркнутъ въ этихъ неистовыхъ крикахъ, колеблющихъ и сотрясающихъ воздухъ.

Арабы засыпали Пинедо цѣлымъ дождемъ золотыхъ монетъ, бросали къ его ногамъ кинжалы, устремляясь человѣческой волной внизъ, чтобы увидѣть поближе этого замѣчательнаго борца.

До сихъ поръ многіе были увѣрены — онъ самъ ихъ увѣрялъ, этихъ наивныхъ сыновей пустыни, — что Кастаньяро сильнѣйшій человѣкъ на всемъ свѣтѣ.

„Сильнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ“, съ трудомъ приподнявшись, тупо озирался, видимо пока еще

плохо отдавая себѣ отчетъ во всемъ происходящемъ

Сошелъ на сцену и шейхъ Али-Ахметъ. Даже не взглянувъ на Кастаньяро, онъ съ благосклонной улыбкой, коснулся рукой плеча Пинедо.

— Благодарю тебя! Ты доставилъ большое удовольствіе и мнѣ и моимъ гостямъ. А, главное, ты показалъ, что можешь справиться съ этимъ быкомъ и безо всякаго оружія. Ты благородный человѣкъ! Дважды онъ хотѣлъ тебя умертвить, у тебя же не поднялась рука на него. Мы, арабы, для которыхъ месть—все, не научились этого понимать, но мы научились цѣнить доблесть, подобную твоей, бѣлокурый геркулесъ!

Али-Ахметъ взглянулъ на свои часы—миніатюрную золотую браслетку.

— Ровно полночь! Согласно моему рѣшенью, ты вмѣстѣ съ этимъ русскимъ сейчасъ-же пойдешь въ тюрьму. Я прикажу отвести васъ. Не бойся, режимъ не будетъ суровымъ и вамъ не будетъ ни въ чемъ недостатка

Али-Ахметъ сдѣлалъ знакъ высокимъ нубійцамъ съ копьями. Они окружили Пинедо и увели его

4. Разговоръ двухъ узниковъ.

Тюрьма, гдѣ томились узники Али-Ахмета, построена была, какъ все на Востокѣ, не въ казенномъ стилѣ, составляющемъ неотъемлемость всѣхъ европейскихъ и американскихъ тюремъ.

Мѣсто заточенія, находившееся въ какой-нибудь полусотнѣ метровъ отъ дворца Али-Ахмета, представляло собою двухъ-этажное зданіе съ квадратнымъ дворомъ посрединѣ.

На этотъ дворъ выходили одиночныя камеры со своими забранными рѣшеткою окнами въ одиночныхъ дверяхъ. Камеры нижняго этажа — прямо на гранитную мостовую, камеры-же второго — на узенькую деревянную баллюстраду типа четырехсторонной веранды, или крытаго балкона.

Но были узники, помѣщавшіеся не только въ камерахъ, но и въ ямахъ, вырытыхъ посреди двора и облицованныхъ гранитомъ. Эти каменные мѣшки заваливались сверху тяжелой плитой, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ, куда проникалъ свѣтъ и куда тюремщики бросали ѣду заключеннымъ. Эта ѣда — кислыя, маленькія, плоскія изъ кукурузовой муки лепешки.

Только-только не умирая отъ голода, въ темнотѣ, въ страшномъ зловоніи, заѣдаемые клопами, жили несчастные въ этихъ мѣшкахъ, если только слово „жизнь" примѣнимо къ кошмарному существованію этихъ заживо-погребенныхъ.

Томились подъ этими гранитными плитами и мѣстные арабы, и арабы дальнихъ племенъ и бѣлые. Уже второй годъ мучилось въ этихъ азіатскихъ клоповникахъ пять-шесть итальянскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ Али-Ахметомъ и

до сихъ поръ не выкупленныхъ ни своими родными, ни итальянскимъ военнымъ командованіемъ.

Двое изъ этихъ офицеровъ успѣли сойти съ ума. И днемъ и ночью оглашался дворъ ихъ дикими неистовыми криками.

Да и не только дворъ.

Эти крики, идущіе словно изъ-подъ земли, словно изъ преисподней, вырываясь сквозь круглыя отдушины, проникали во всѣ одиночныя камеры, приводя въ ужасъ всѣхъ узниковъ и такъ нервируя многихъ, что того и гляди—сами потеряютъ разсудокъ.

Короченцевъ и Пинедо, очутившіеся, несомнѣнно, въ лучшихъ условіяхъ, нежели остальные узники, — о заживо погребенныхъ и нечего говорить, — провели первую ночь, ни на одну минуту не сомкнувъ глазъ. Раздирающіе крики безумцевъ наполняли ихъ камеру такимъ длительнымъ, такимъ острымъ и въ то-же время монотоннымъ воемъ, что легіонеры мѣста себѣ не находили.

Видимо къ ихъ приходу готовились. Камера была чисто подметена и не только приведена въ порядокъ, но и заставлена такой мебелью, какой навѣрное никогда не видѣла въ своихъ стѣнахъ ни одна изъ арабскихъ тюремъ. . .

Двѣ желѣзныя кровати, умывальникъ, два стула, цыновка во весь полъ, громадный глиняный кувшинъ съ водой и ни одного клопа. Чегоже еще? Это-ли не показатель высшаго благоволенія Али-Ахмета къ тѣмъ, кого онъ не могъ однако удержаться отъ искушенія упрятать подъ ключъ и подъ надзоръ мрачныхъ на видъ нубійцевъ?

— Слушайте, Пинедо! Будемъ-же справедливы — сказалъ Короченцевъ — Наше помѣщеніе въ кавалерійскихъ казармахъ было не такое комфортабельное, какъ наша тюрьма у „Демона пустыни“.

— Вѣрно — согласился Пинедо. — Но я все-же предпочелъ бы наши казармы.

— Увы, и я, — согласился Короченцевъ и, помолчавъ, прибавилъ: — а, вѣдь, дружище вы мой, дѣло наше выходитъ дрянь!

— Развѣ? Никакихъ надеждъ?

— Пока единственная надежда—это на святого Николая Угодника, образокъ котораго, вы сами видите, я помѣстилъ у своего изголовья. Что-же касается надеждъ болѣе реальнаго свойства, имѣющихъ какую нибудь логическую связь, то я, признаться, при всемъ желаніи жадно ухватиться за таковыя, не вижу Ничего не вижу . .

— Позвольте . Но — онъ-же повторялъ неоднократно, Али-Ахметъ, — если не будетъ доказано, что мы подосланные шпіоны, мы тотчасъ-же получимъ свободу . Такъ вѣдь? . Короченцевъ, такъ? — пытался Пинедо убѣдить своего товарища по несчастью, а, самое главное, самого себя, ибо въ глубинѣ души, онъ сомнѣвался въ Али-Ахметѣ, хотя скорѣе симпатизировалъ ему, чѣмъ наоборотъ и, во всякомъ случаѣ, — находился подъ его обаяніемъ.

— Милый, простодушный мой геркулесъ, благородный и славный! — покачавъ головой, улыбнулся Короченцевъ. — Мало вы знаете, вѣрнѣе совсѣмъ не знаете восточныхъ людей, подобныхъ Али-Ахмету . При всѣхъ своихъ нерѣдко подкупающихъ качествахъ они уже по самой природѣ своей — коварные, измѣнчивые, лукавые Если онъ дѣйствительно привязался къ вамъ, оцѣнилъ и — свято вѣритъ вамъ, о, тогда совсѣмъ другое дѣло, жизнь отдастъ за васъ. Но пока этого ничего нѣтъ . Боже милостивый! Опять!

Умолкшіе было на нѣсколько минутъ сумасшедшіе загудѣли, завыли снова. Это было нестерпимо. Было ощущеніе обнаженныхъ, физи-

чески обнаженныхъ нервовъ. Было ощущеніе обнаженнаго мозга съ приподнятой черепной коробкой.

Съ ужасомъ смотрѣли другъ на друга Пинедо и Короченцевъ.

— Знаете, я готовъ отказаться отъ мягкой постели, отъ мало-мальски сносной пищи, отъ всего—только-бъ подальше убрали этихъ несчастныхъ, только-бъ не слышать ихъ! — вырвалось съ тоской у Короченцева.

— Да, это ужасно! — отвѣтилъ Пинедо, закрывая пальцами уши.

Но напрасно — и морской канатъ не могъ-бы заглушить этихъ криковъ.

— Давайте спокойно, насколько это возможно въ нашемъ положеніи, обсудимъ ближайшія перспективы — предложилъ Короченцевъ. — Я, напримѣръ, такого мнѣнія. Мы выбрались, съ вами сюда настолько, если хотите, конспиративно, что самая тщательная развѣдка агентовъ „Демона пустыни“ не найдетъ никакихъ уликъ противъ насъ. За это я спокоенъ! Что не мѣшаетъ, однако, вообще безпокоиться . . . Али-Ахметъ, больше чѣмъ слѣдуетъ, уменъ и хитеръ. Ему не надо осязательныхъ уликъ. Довольно ему и его внутренняго убѣжденія. А внутреннее убѣжденіе подсказываетъ ему: „они шпіоны“.

— Почему вы такъ думаете? — перебилъ Пинедо.

— Потому, другъ мой, что мы оба съ вами не плохіе люди. И Али-Ахметъ почувствовалъ это. А не плохіе люди не могутъ измѣнить присягѣ и перебѣжать въ непріятельскій лагерь изъ-за строгой дисциплины и суровыхъ взысканій. И это почувствовалъ и понялъ Али-Ахметъ. Теперь вамъ ясно?

— Теперь ясно!—вдумчиво отвѣтилъ Пинедо.

— А разъ ясно, то вы согласитесь со мной, что намъ еще долго суждено терзать свой слухъ

криками этихъ безумцевъ. Мнѣ еще ничего. Большевики научили меня сидѣть въ тюрьмахъ, и въ такихъ, передъ которыми эта кажется земнымъ раемъ. А вотъ вы — другое дѣло! . Вы новичокъ и ваше самочувствіе должно быть много хуже моего.

— Изъ рукъ вонъ какое самочувствіе! — посовѣтовалъ Пинедо. — Если это надолго, постараемся убѣжать. Какъ вы думаете? Можно отсюда убѣжать?

— Пинедо, нѣтъ такой тюрьмы на свѣтѣ, откуда нельзя было-бы убѣжать, — философски замѣтилъ Короченцевъ. — Эта же наша вовсе не послѣднее слово тюремной техники. Правда, насъ запираютъ, но гдѣ и въ какой тюрьмѣ не запираютъ? О чемъ задумались вы, побѣдитель Кастаньяро?

— Вотъ именно сейчасъ о немъ и думаю, вѣрнѣе, объ этой бѣдняжкѣ Дина-Беллѣ. Ее-бы выручить, ее-бы спасти!

— Что-же—пока ея судьба измѣнилась и еще какъ рѣзко измѣнилась къ лучшему .

— Благодарю покорно — усумнился Пинедо.— Шутите вы, что-ли?

— Нисколько! Нельзя-же требовать; чтобы по мановенію магической палочки, точно въ волшебной сказкѣ, она сразу очутилась въ объятіяхъ нѣжно любимаго и любящаго отца. Но уже громадное счастье, что Али-Ахметъ вырвалъ ее изъ лапъ этого грязнаго скота . . . Я увѣренъ, Али-Ахметъ будетъ относиться къ ней внимательно и даже, если не совсѣмъ по рыцарски, то, во всякомъ случаѣ, мягко, учтиво. Онъ будетъ стараться завоевать ея расположеніе, а не взять силою. На это же понадобится время.

— Вы допускаете, что она полюбитъ Али-Ахмета? Никогда! Ея сердце принадлежитъ нашему капитану, о чемъ она врядъ-ли сама подозрѣваетъ.

— Допустить все можно. Особенно въ такой туманной, такой неуловимой области, какъ чувство женщины, дѣвушки. Но я вовсе не желаю сказать, что она полюбитъ шейха. Въ данномъ случаѣ важно выиграть время, а это совсѣмъ не исключено съ переходомъ Дина-Беллы въ гаремъ Али-Ахмета.

5. Дина-Белла не мирится со своимъ положенiемъ.

Короченцевъ болѣе или менѣе вѣрно опредѣлилъ отношенiе Али-Ахмета къ Дина-Беллѣ.

Первое чувство Али-Ахмета было чувство безконечной жалости къ хрупкому, слабому существу, избитому этимъ негодяемъ Кастаньяро. Но потомъ, когда Али-Ахметъ всмотрѣлся въ дѣвушку, онъ былъ плѣненъ ея красотою, изяществомъ и у него сначала робко, а потомъ смѣлѣе и смѣлѣе зашевелилась мысль сдѣлать ее своей женой. Развѣ не бывало примѣровъ, что цвѣтные вожди не только брали въ свои гаремы бѣлыхъ дѣвушекъ изъ Европы, но и были счастливы съ ними?

Человѣкъ наблюдательный, умѣющiй разбираться въ людяхъ, Али-Ахметъ понялъ, что передъ нимъ натура властная, самолюбивая, гордая, чистая. Дѣйствуя силою, правомъ сильнаго, ея сердце не привлечешь, а оттолкнешь, и оттолкнешь разъ навсегда. Такихъ, какъ она, можно сломать, но не подчинить, не согнуть,

И въ своемъ обхожденiи съ плѣнницею это былъ уже не восточный деспотъ, для котораго лучшая, прекраснѣйшая женщина все-же рабыня, а скорѣе человѣкъ Запада.

Онъ помѣстилъ дѣвушку въ двѣ комнаты, совершенно отдѣльныя, не сообщавшiяся съ остальнымъ гаремомъ. Кромѣ черной Абу, онъ приставилъ къ Динѣ еще двухъ служанокъ.

Онъ сказалъ съ мягкой улыбкой:

— Каждое ваше желанье будетъ исполнено!..

— Каждое? — переспросила Дина.

— Въ границахъ возможнаго, разумѣется, — спохватился „Демонъ пустыни".

— Въ такомъ случаѣ, шейхъ, ловлю васъ на словѣ. . . Шейхъ, я неоплатная ваша должница, Вы спасли мнѣ не только жизнь, но и то, что цѣннѣе жизни . . . Будьте-же до конца великодушны. Мой отецъ — единственное близкое мнѣ существо на свѣтѣ. И у него, старика, нѣтъ, кромѣ меня ни одной живой души близкой. Каждый день моего отсутствія — это лишній шагъ къ его могилѣ . . Шейхъ, умоляю васъ, отпустите меня къ отцу! — и Дина-Белла вновь, какъ и тамъ, въ домѣ Кастаньяро, опустилась на колѣни передъ Али-Ахметомъ и на рѣсницахъ ея сверкнули слезы.

— Встаньте! Очень прошу васъ! Встаньте... Вы требуете невозможнаго!

— Но почему-же, почему-же, шейхъ? Я такъ истерзалась. . . —

— Вамъ надо успокоиться. Я не говорю, нѣтъ. Мы еще вернемся къ этому. А пока,— будьте-же терпѣливы... Да кстати я совсѣмъ не хочу, чтобы по моей винѣ вашъ отецъ мучился неизвѣстностью, считалъ вась погибшей, или, что еще хуже, рисовалъ-бы себѣ всякіе ужасы. Поэтому, мы сдѣлаемъ такъ. . . Вы напишете коротенькое письмо, слѣдующаго приблизительно содержанія: самаго банальнаго: „Дорогой отецъ! Я, слава Богу, жива и здорова. Не безпокойся обо мнѣ. Живется мнѣ хорошо. Надѣюсь, мы еще увидимся. Твоя такая-то". Вотъ и все! Я прочту ваше письмо, мы его вмѣстѣ запечатаемъ и черезъ нѣсколько дней вашъ отецъ получитъ его. Надѣюсь, такая редакція васъ удовлетворяетъ?

— Но вѣдь это — будетъ ложь! Вы требуете, шейхъ, чтобы я написала, что мнѣ живется хорошо? — воскликнула дѣвушка.

— Я ничего не требую — развелъ руками Али-Ахметъ. — Рѣшительно ничего. Я только

предлагаю и предлагаю въ вашихъ-же интересахъ. Согласитесь сами: если вы напишете, что ваша жизнь сплошной адъ, — это убьетъ старика. Вы согласны?...

— Согласна, — тихо прошептала Дина-Белла.

— Да, я во всѣхъ отношеніяхъ отъ васъ ничего не требую. Слышите, Дина-Белла, ничего! — подчеркнулъ Али-Ахметъ. — Помимо нѣсколько ограниченной свободы, вы во всемъ остальномъ полная хозяйка въ моемъ домѣ. На досугѣ, а досуга у васъ будетъ не мало, совѣтую койнадъ чѣмъ призадуматься, кой-что взвѣсить. Кѣмъ вы были при всей вашей воспитанности, при вашей внѣшности дамы большого дома? Артисткою арены? Вы потѣшали праздную толпу .

— Шейхъ! Я ваша плѣнница и вы ... — гнѣвно перебила Дина-Белла.

— Виноватъ, вы правы! Надо осмотрительнѣе пользоваться выраженіями, — поклонился Али-Ахметъ. — А главное, это сравненіе было неудачно. Вы скорѣе доставляли эстетическое зрѣлище толпѣ, чѣмъ потѣшали ее. Но пусть даже и такъ! Развѣ это можно сравнить съ тѣмъ будущимъ, какое открывается вамъ и которое всецѣло въ вашихъ рукахъ? Стоитъ вамъ отвѣтить „да“ и вы станете женою человѣка съ богатымъ настоящимъ и прямо головокружительными возможностями... Подумайте надъ этимъ... Хорошенько подумайте! Есть надъ чѣмъ! Я не тороплю васъ съ отвѣтомъ, — и, словно боясь услышать изъ устъ этой дѣвушки отрицательный отвѣтъ, шейхъ внезапно ушелъ, оставивъ и самое Дина-Беллу и ея и безъ того наболѣвшее сердце въ большомъ смятеніи... Такъ вотъ чѣмъ объясняется и то, что онъ вырвалъ ее у Кастаньяро и его предупредительное отношеніе и эта, до поры до времени, такая изысканная корректность.

До поры до времени. Пока Дина-Белла еще не успѣла ему сказать „нѣтъ“. Но когда она

скажетъ „нѣтъ“, а другого она сказать не можетъ, оно будетъ для нея роковымъ, это „нѣтъ“.

Да, роковымъ, потому что „европеецъ“, или искусно играющій европейца, превратится вновь въ мусульманина — хищника, не знающаго никакихъ иныхъ законовъ и правъ, кромѣ закона и права пустыни.

Черная Абу старалась какъ могла и умѣла утѣшить свою госпожу, окрылить ее бодростью и вѣрою. — Частью выразительной мимикой, частью непонятными словами, негритянка высказывала свои бѣдныя содержаніемъ, но богатыя чувствомъ мысли. И странное дѣло — послѣ этого у Дина-Беллы наступило какое-то умиротвореніе.

Въ этотъ-же самый день Али-Ахметъ еще разъ пришелъ. Но не за отвѣтомъ. Онъ пока не возвращался къ своему предложенію. Онъ хотѣлъ лишній разъ увидѣть свою плѣнницу и сказать ей:

— Вы выросли въ спортѣ, въ движеніи. Томиться въ четырехъ стѣнахъ вамъ несомнѣнно тяжелѣй, чѣмъ всякой иной женщинѣ. Поэтому я разрѣшаю вамъ ежедневныя прогулки верхомъ, Вамъ будетъ подаваться лошадь, осѣдланная англійскимъ сѣдломъ. Спортивный костюмъ у васъ есть . . .

— Благодарю васъ, шейхъ, — искренно вырвалось у дѣвушки. Ей, такъ любившей верховую ѣзду, эти прогулки будутъ безмѣрно скрашивать ея заточеніе, которое сдѣлается заточеніемъ лишь наполовину.

— Но, — поднялъ руку шейхъ — Васъ будетъ сопровождать одинъ изъ моихъ всадниковъ.

— Вы опасаетесь что я убѣгу? — смѣло поставила вопросъ Дина-Белла.

— Нѣтъ! — такъ-же прямо отвѣтилъ Али-Ахметъ. — Кругомъ — пустыня, вы не знаете дорогъ и вамъ не убѣжать. Я опасаюсь другого. Мало-ли что можетъ случиться съ вами въ этихъ дикихъ, мертвыхъ пескахъ, съ вами, одинокой женщиной?

И совсѣмъ иное, если при васъ будетъ вооруженный тѣлохранитель. Итакъ — стоитъ вамъ при казать — въ любое время лошадь къ вашимъ услугамъ.

— Даже и вечеромъ?

— А почему-бы и нѣтъ? Въ этихъ прохладныхъ тихихъ вечерахъ столько очарованія. . Почему-бы и нѣтъ? — повторилъ „Демонъ пустыни".

Дина какъ-то сразу ожила, воспрянула духомъ. И не потому только, что уже видѣла себя носящейся верхомъ по безбрежному простору песковъ, она, каждый день почти ѣздившая верхомъ съ самаго ранняго дѣтства.

Нѣтъ, былъ еще поводъ. Дина-Белла сама пугаясь, сама охватываемая какой-то жутью, ловила себя на мысли о бѣгствѣ. И она убѣжитъ, сколько-бы шейхъ не запугивалъ ее ужасами, что подстерегаютъ въ этомъ морѣ желто-бурыхъ песковъ.

Что-же касается направленія, то вовсе не такъ ужъ трудно взять вѣрный путь Необходимо неуклонно держаться на западъ. Тамъ, гдѣ погружаетъ въ море раскаленный дискъ свой солнце, тамъ городъ Триполи. Только-бы благополучно добраться до итальянскихъ аванпостовъ — и она спасена. Только-бы, разстояніе не Богъ вѣсть какое. Не будетъ, пожалуй, и ста километровъ.

У Дина-Беллы было неудержимое желанье подѣлиться съ кѣмъ-нибудь близкимъ этой, какъ молнія вспыхнувшей мечтой. А единственное близкое существо — черная Абу.

И Дина, какъ ребенокъ, раскачивая головкой, шептала на ухо ничего не понимавшей негритянкѣ:

— Бѣжать, бѣжать, моя славная, добрая, моя сердечная Абу! . . . Но ты не думай, я не такая глупенькая, чтобы это сдѣлать сразу. Нѣтъ! Меня на какомъ-нибудь пятомъ километрѣ пере-

вернули-бы, какъ дѣвчонку и было-бы стыдно и вышелъ-бы одинъ жесточайшій конфузъ! Нѣтъ, дорогая Абу, такъ нельзя! Надо все дѣлать съ умомъ, съ головой. Надо сначала усыпить ихъ подозрѣніе, ихъ бдительность, а затѣмъ, — затѣмъ, это уже не по твоей части. Затѣмъ надо пріучать лошадь постепенно къ длительному пробѣгу. На нашемъ языкѣ это называется — „втягивать", втягивать, слышишь, Абу, понимаешь? — и Дина-Белла, затормашивъ Абу, покрыла ея лицо быстрыми, кроткими дѣтскими поцѣлуями.

Вотъ подали дѣвушкѣ лошадь, кровную, арабскую, свѣтло-сѣрую, подъ новымъ англійскимъ сѣдломъ, и рядомъ на высоко подтянутыхъ массивныхъ азіатскихъ стременахъ — пожилой всадникъ. Борода съ просѣдью, и молодые жгучіе глаза. Этотъ арабъ, Мамедъ, будетъ сопутствовать плѣнницѣ.

Отъ нея не укрылось, что Мамедъ, хотя и безъ винтовки, но за поясомъ у него два револьвера. Назначеніе ихъ не оставляло никакихъ сомнѣній. Въ случаѣ если плѣнница вздумаетъ бѣжать, Мамедъ охладитъ ея пылъ нѣсколькими выстрѣлами. А что онъ не беретъ съ собой винтовки — лучшій показатель, что Али-Ахметъ хотѣлъ ее запугать, выдумывая какія-то опасности. Кто можетъ кто посмѣетъ угрожать плѣнницѣ и ея конвоиру на сто километровъ въ окружности, гдѣ одно имя „Демона пустыни" кидаетъ каждаго правовѣрнаго въ священный страхъ и трепетъ?...

Дина-Белла, понимавшая, какъ рѣдкій мужчина, толкъ въ лошадяхъ, съ перваго-же взгляда прикинула качество обоихъ скакуновъ. Подъ Мамедомъ былъ горячій, мощный жеребецъ, насколько вообще можетъ-быть мощной некрупная и не особенно сильная, но выносливая арабская лошадь.

— Мнѣ на своей не уйти отъ него! — рѣшила Дина-Белла. И это входило въ программу. —
— Что-же потягаемся... Я не возьму на скорость-можетъ возьму на хитрость Все въ рукахъ слу, чая .

6. Герцъ и его докладъ.

Тилло, — онъ-же легіонеръ, онъ-же Званта, лже-баронъ и онъ-же Герцъ, — его настоящее имя, — прибылъ въ ставку Али-Ахмета.

Этотъ средняго роста, пропорціонально сложенный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ холоднымъ, почти красивымъ лицомъ и съ бритой, начинавшей лысѣть голой, съ коричневымъ пятнышкомъ на щекѣ, сдѣлалъ Али-Ахмету подробный докладъ, запершись съ нимъ въ кабинетѣ, въ томъ самомъ, гдѣ „Демонъ пустыни" принялъ Короченцева и Пинедо въ первый-же день ихъ появленія.

Еще Герцъ не открывалъ своихъ картъ, еще не произнесъ ни слова, а уже для Али-Ахмета не было сомнѣнія, что вновь прибывшій явился если даже не какъ другъ, то все-же, какъ человѣкъ, связанный съ нимъ, Али-Ахметомъ, одними общими интересами.

И вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ, смутное подозрѣніе противъ тѣхъ двухъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, усилилось. Желая окончательно провѣрить себя, Али-Ахметъ спросилъ;

— Вамъ, конечно, извѣстно, что за нѣсколько дней до васъ перебѣжали ко мнѣ двое, бывшій русскій офицеръ и силачъ-итальянецъ?

— О, да, для меня это не тайна, — съ самодовольной улыбкою отвѣтилъ Герцъ.

— Я по очень многимъ соображеніемъ доволенъ, что вы здѣсь. И это, между прочимъ, избавляетъ меня отъ необходимости посылать въ

Триполи моихъ развѣдчиковъ. Я думаю, мосье Герцъ, что вы съ успѣхомъ замѣните ихъ. По вашему какъ? Шпіоны они, или нѣтъ? У меня эти оба молодца на подозрѣніи, но подозрѣніе безъ фактовъ и уликъ, — это зданіе на пескѣ.

Герцъ взглянулъ сначала на Али-Ахмета, затѣмъ на полированные ногти своихъ короткихъ узловатыхъ пальцевъ. Руки — самое отвратительное въ его внѣшности и, если по благообразному лицу трудно было опредѣлить, преступникъ онъ, или нѣтъ, эти узловатые пальцы, скорѣе плоскіе чѣмъ круглые, носили отпечатокъ ярко выраженнаго преступника. Со своихъ полированныхъ ногтей, Герцъ опять перевелъ взглядъ на Али-Ахмета.

— Вамъ, шейхъ, угодно знать мое мнѣніе? — Они говорили по-европейски на „вы", а не на „ты" какъ на Востокѣ и какъ „Демонъ пустыни" говорилъ съ Короченцевымъ, Пинедо и Кастаньяро. — Вамъ угодно знать мое мнѣніе? — для большей подчеркнутости сказалъ Герцъ еще разъ. — У меня на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Хотя я, какъ и вы, шейхъ, не располагаю тѣмъ, что называютъ прямыми, осязательными уликами . . . Уликъ-же косвенныхъ — сколько угодно. Во-первыхъ, штабъ итальянскаго корпуса жаловался, я это знаю, на отсутствіе информаціи: что дѣлается у васъ въ ставкѣ, какія ближайшія ваши задачи, какими силами вы располагаете и какъ и чѣмъ снабжены эти силы?

— Да, ко мнѣ проникнуть не такъ-то легко, — согласился Али-Ахметъ, сверкнувъ глазами.

— Ну вотъ, слѣдовательно ихъ контръ-развѣдка нуждалась въ смѣлыхъ рѣшительныхъ людяхъ, каковыми безспорно являются оба эти господина. Короченцевъ къ тому-же образованный офицеръ, а такіе развѣдчики весьма цѣнны. Теперь дальше. Я еще въ Неаполѣ зналъ, что Пинедо пользуется исключительнымъ вниманіемъ своего прямого начальника герцога Санъ-Фели-

че. Разгадка этого вниманія простая. Пинедо заступился однажды за цирковую артистку, наѣздницу Дина-Беллу, къ которой его свѣтлость, кажется, весьма неравнодушенъ, и которая, если не ошибаюсь . . . — Герцъ улыбнулся гаденькой улыбкой, блеснувъ и своими собственными и золотыми зубами, — если не ошибаюсь, сдѣлалась добычею этого пещернаго медвѣдя Кастаньяро. Оказывается, онъ вовсе не такъ глупъ, и этотъ лакомый кусочекъ, ха, ха, поистинѣ, королевскій.

Увидѣвъ, что шейхъ помрачнѣлъ и поперекъ лба у него обозначилась между бровями складка, Герцъ, догадавшись, что не одинъ только Санъ-Феличе неравнодушенъ къ Дина-Беллѣ, сказалъ не то, что хотѣлъ сказать, а другое:

— Ну, однимъ словомъ, отношенія между герцогомъ и Пинедо настолько дружественныя въ рамкѣ взаимоотношеній солдата и офицера, что я ни на одинъ мигъ не повѣрю въ эту инсценировку. Сначала съ жестокимъ разносомъ, въ порядкѣ дисциплинарнаго взысканія, а затѣмъ съ побѣгомъ . Все это, можетъ быть, и довольно ловко придумано, очень можетъ быть, но даже болѣе тонкая, какъ говорится, ювелирная работа, не обманула бы меня! Шпіоны, голову на отсѣченіе дамъ! Но, что вы, шейхъ, намѣрены съ ними дѣлать? . . .

— Какъ вамъ сказать! Мнѣ было бы очень жаль, если-бы они оказались шпіонами. Я ничего не хочу дурного этимъ людямъ. Ахъ, если-бы истина всплыла передо мной, какъ на ладони!

— Да зачѣмъ-же дѣло, шейхъ? Ничего нѣтъ легче — добиться истины! . . . Прикажите ихъ слегка попытать . . . Сначала немного прижечь ступни Это уже такой законъ — начнешь съ ногъ, развязывается самый упрямый языкъ! Да, да. Пять-шесть какихъ-нибудь раскаленныхъ угольковъ творятъ чудеса! Ха, ха! Нѣтъ, нѣтъ, весьма рекомендую! — и Герцъ, всегда, въ спо-

койномъ состояніи, если и не красивый, то благородный мужчина, сейчасъ былъ отвратителенъ.

Все подлое, низкое, темное, что только было въ немъ и что онъ умѣлъ скрывать, воспитавъ въ самомъ себѣ выдержку, воспитавъ искусство казаться корректнымъ человѣкомъ, теперь хлынуло наружу, обезобразивъ довольно правильныя черты.

О, если-бы такимъ, какимъ онъ былъ сейчасъ, увидѣлъ его тогда капитанъ Санъ-Феличе, онъ не принялъ-бы его въ легіонъ. Али-Ахметъ былъ менѣе всего мягкимъ человѣкомъ и болѣе всего — жестокимъ. Но и Али-Ахмета покоробили эти циничные пять-шесть раскаленныхъ угольковъ въ примѣненіи къ подошвамъ и пяткамъ обоихъ плѣнниковъ.

И ничего не отвѣтивъ Герцу, шейхъ, глядя на него, подумалъ: А въ сущности съ вами, бѣлыми, вовсе не такъ трудно было-бы справиться... Ваша взаимная ненависть, ваше пламенное желаніе перегрызть другъ дружкѣ глотки, — все это можетъ, въ концѣ концовъ, сдѣлать васъ легкой добычею черныхъ и цвѣтныхъ расъ

Подумавъ это, Али-Ахметъ произнесъ:

— Итакъ, мосье Герцъ, чѣмъ вы можете меня порадовать? — Этимъ вопросомъ Али-Ахметъ вывелъ Герца изъ неловкаго положенія и тотъ поспѣшилъ съ отвѣтомъ.

— Очень многимъ, шейхъ, очень многимъ! Третій Интернаціоналъ, штабъ котораго, штабъ и цитадель, въ сердцѣ совѣтской Россіи — въ Москвѣ, рѣшилъ помочь вамъ и пойти навстрѣчу въ такой-же мѣрѣ, какъ это сдѣлано было въ Марокко по отношенію къ Абдъ-Эль-Криму. Мы расшатали Францію, сбили съ нея всю великодержавность и теперь принимаемся за Италію. Муссолини съ его фашизмомъ будетъ данъ генеральный бой не тамъ, гдѣ онъ желаетъ и гдѣ

сильнѣе, а тамъ гдѣ мы это желаемъ и гдѣ онъ слабѣе, то-есть — здѣсь!

— Да, это правильный подходъ, — подумавъ согласился Али-Ахметъ.

— Очень радъ услышать такой комплиментъ, шейхъ, изъ устъ такого замѣчательнаго правителя и вождя мусульманскихъ массъ, какимъ являетесь вы, но баснями соловья не кормятъ. Вы въ правѣ сказать: „дорогой Герцъ, все это красивыя общія фразы, а гдѣ-же дѣло?“ Извольте — переходимъ къ дѣлу. Въ теченіе двухъ-трехъ ближайшихъ мѣсяцевъ къ вамъ успѣютъ просочиться около пятисотъ инструкторовъ, все сплошь опытные офицеры двухъ, пожалуй, лучшихъ въ данный моментъ европейскихъ армій, германской и красной — совѣтской. Затѣмъ, конечно, деньги, деньги и деньги. На первое время ассигновано около пяти милліоновъ рублей въ золотѣ. Оно будетъ доставлятъся постепенно контрабанднымъ путемъ ящикъ за ящикомъ. Кромѣ того, мы наводимъ всю Триполитанію фальшивыми кредитками въ тысячу, пятьсотъ, сто — и пятьдесятъ итальянскихъ лиръ. Этимъ вы обогатите вашу собственную казну и подорвете государственный банкъ королевства. Что касается оружія, — винтовокъ, пулеметовъ, ручныхъ гранатъ, патроновъ и даже легкой артиллеріи, то въ этомъ недостатка не будетъ. Какъ это осуществится технически, это лучше меня знаетъ первая группа офицеровъ спеціалистовъ. Я думаю, уже черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли она будетъ имѣть честь представиться вамъ. Вообще, я первая ласточка, первый добрый вѣстникъ. Такъ сказать, піонеръ. А за мною хлынутъ уже и остальные.

Своимъ докладомъ Герцъ нѣсколько смягчилъ первое непріятное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, это было какой-то добрій геній для Али-Ахмета, сумѣвшій всколыхнуть и разжечь его непомѣрное честолюбіе. И онъ вслухъ выразилъ свою мысль:

— Вы дадите мнѣ матеріальныя и техническія средства, дадите офицеровъ, а я дамъ десятки тысячъ прекрасныхъ бойцовъ, готовыхъ пойти на смерть по одному моему мановенію и — какія волшебныя перспективы, какія головокружительныя возможности!!

— Въ единеніи сила! — скрѣпилъ Герцъ.

7. Дина-Белла не отступаетъ.

Али-Ахметъ нѣсколько разъ посѣтилъ свою плѣнницу, но ни разу даже не намекнулъ ей, что ждетъ рѣшительнаго отвѣта на такъ-же рѣшительно поставленный вопросъ. Не настаивалъ и не торопилъ онъ по двумъ причинамъ: Во первыхъ, надѣялся на время, которое будетъ лучшимъ его сообщникамъ, — такъ онъ думалъ, хотѣлъ думать, — а, во вторыхъ, его увлеченіе дѣвушкой не ослабѣло, нѣтъ, а лишь слегка отодвинулось тѣмъ роемъ горделивыхъ мечтаній и плановъ, какія пробудилъ въ немъ и такъ ярко пробудилъ этотъ змій-искуситель, называвшійся Герцомъ.

Дина-Белла написала письмо отцу, коротенькое, шаблонное, — другого нельзя было написать — продиктованное Али-Ахметомъ. Онъ при ней запечаталъ его, пообѣщавъ:

— Недѣли черезъ полторы я надѣюсь обрадовать васъ отвѣтомъ. Что-жъ? Мы какъ-нибудь наладимъ вашу переписку съ отцомъ. Это будетъ нелегко, правда, но чего я не готовъ для васъ сдѣлать?

Дина-Белла начала ежедневныя прогулки свои съ Мамедомъ и хотя въ ея головѣ твердо засѣла мысль о побѣгѣ, а можетъ-быть именно поэтому, готовилась къ своему тайному желанью съ изумительной выдержкою и такимъ же изумительнымъ терпѣніемъ.

Двѣ задачи, какъ нельзя болѣе, совпадали тренировать ее въ длительныхъ пробѣгахъ, Вторая: возможно большое количество времени

ѣздить верхомъ, дабы отсутствіе въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не возбуждало у Али-Ахмета никакихъ подозрѣній. А разъ онъ будетъ спокоенъ и увѣренъ, что Мамедъ вернется вмѣстѣ съ дѣвушкой, ему и въ голову не придетъ посылать отряды гонцовъ на розыски. Затѣмъ надо было понемногу приручить и самого Мамеда. И тѣлохранитель долженъ быть увѣренъ въ той, кого ему приказано беречъ и стеречь.

Хотя скакунъ Мамеда, этотъ горячій, гордый жеребецъ, могъ, отпустивъ на километръ отъ себя лошадь наѣздницы, нагнать ее, и Мамедъ былъ также увѣренъ въ этомъ, какъ и въ томъ, что въ рай Аллаха ему безъ бороды никакъ не попасть, однако Дина-Белла держалась всегда стремя въ стремя.

Въ концѣ концовъ даже самъ Мамедъ началъ предлагать ей, больше знаками, чѣмъ словами, перейти въ карьеръ и умчаться впередъ, но Дина-Белла съ отрицательной улыбкою не нарушала его-же заведеннаго правила, не выдвигаясь впередъ, хотя-бы даже на нѣсколько „корпусовъ". Эти мягкія песчаныя дороги являли собою прямо идеальную почву для верховой ѣзды. Копыта чуть-чуть погружались въ сухой, разсыпчатый, нисколько не „вяжущій" песокъ.

Мамедъ, этотъ прирожденный конникъ, выросшій въ сѣдлѣ и почти не умѣвшій ходить пѣшкомъ, удивлялся выносливости этой бѣлой, съ виду такой хрупкой дѣвушки. Она нѣсколько часовъ могла ѣхать перемѣннымъ аллюромъ, принятый регулярной конницей,— километръ шагомъ, четыре километра рысью. Но, не довольствуясь этимъ, Дина-Белла переходила въ галопъ, а за ней переходилъ и Мамедъ и такъ-же стремя въ стремя они мчались тридцать двѣ минуты — время, отмѣченное Мамедомъ по его часамъ.

Послѣ этого пробѣга Али-Ахметъ сказалъ плѣнницѣ:

— Синьора—Махмедъ не можетъ вами нахвалиться! Вы его привели въ восхищеніе. Онъ готовъ побиться объ закладъ, что не всякій наѣздникъ, ни онъ самъ, ни его сердце, не выдержитъ полевого галопа въ теченіи тридцати двухъ минутъ... .

Дина-Белла успѣла ознакомиться съ окрестностями главной ставки „Демона пустыни". Эти окрестности — желто-бурыя и скучныя волны песковъ, то съ чуть замѣтной легкой зыбью, оставляемой вѣтромъ, то съ буграми и неглубокими долинами. Попадались оазисы — одинъ и тотъ-же шаблонъ. Десятокъ-другой живописныхъ домиковъ, сотня - другая финиковыхъ пальмъ, ковры маисовыхъ полей, первобытные скрипящіе колодцы, мощные черные буйволы, коричневые верблюды и выжженные солнцемъ бронзовые люди.

Давъ отдохнуть лошадямъ въ тѣни пальмовыхъ зонтиковъ, освѣжившись холодной, прозрачной и вкусной водою, всадники пускались въ дальнѣйшій путь.

Иногда,. занявшись голыми арабчатами, — она, вообще, любила дѣтей, — Дина-Белла оставалась подальше въ оазисѣ. Ребятишки съ любопытствомъ, какъ на какое-то высшее существо смотрѣли черными, громадными глазенками своими на эту бѣлую, одѣтую по-мужскому женщину, въ сапогахъ со шпорами и со стэкамъ.

Да и не только дѣтвора. И взрослое населеніе оазиса — мужчины, женщины съ полузакрытыми лицами, смотрѣли на дѣвушку какъ на чудо, не проявляя, однако, назойливаго, навязчиваго любопытства европейцевъ. Съ врожденнымъ тактомъ людей Востока держались они поодаль.

Какимъ-то непостижимымъ случаемъ у Дина-Беллы сохранился стэкъ, ея собственный, тотъ самый, съ которымъ она вышла изъ цирка въ ночь, оказавшуюся для нея роковой. И когда ее

атаковалъ Кастаньяро со своими сообщниками и когда ее везли связанную, этотъ стэкъ, переходя изъ рукъ въ руки, сопровождалъ Дину-Белла до самаго дворца Али-Ахмета.

Съ этимъ самымъ легкимъ камышовымъ стэкомъ пускалась она въ свои первыя прогулки съ Мамедомъ. А съ третьей или четвертой прогулки вернулась безъ стэка. Она потеряла его.

На другой день Али-Ахметъ, по обыкновенью, спросилъ свою плѣнницу:

— Всѣмъ-ли довольны, синьора? Не надо-ли чего-нибудь?

— Ахъ, я потеряла свой стэкъ! Не найдется-ли у васъ, шейхъ?

— О, сколько угодно къ вашимъ услугамъ!

И онъ прислалъ съ однимъ изъ своихъ людей цѣлую охапку всевозможныхъ стэковъ со всевозможными ручками. Дина-Белла выбрала самый внушительный стэкъ палисандроваго дерева съ тяжелой, массивной серебряной конской головой.

Въ смѣлой и твердой рукѣ это уже настоящее оружіе, способное вывести изъ строя самаго сильнаго человѣка, размозжить самый твердый черепъ.

Это былъ одинъ изъ первыхъ подготовительныхъ шаговъ къ задуманному дѣвушкой. Когда настанетъ день и часъ, она ошеломитъ неожидающаго нападенія Мамеда, только ошеломитъ и, пересѣвъ на его жеребца, попытается убѣжать.

И до того была увѣрена Дина-Белла, что такъ будетъ, — что уже каждый разъ передъ обычной прогулкою особенно тепло и нѣжно ласкала черную Абу, приговаривая на невѣдомомъ ей языкѣ:

— Прощай, моя хорошая, славная! Прощай, единственное существо, отнесшееся здѣсь ко мнѣ по-человѣчески. Ты будешь вспоминать меня? Будешь, моя милая, кроткая. Я-же тебя никогда не забуду! Никогда? Слышишь?

Каждый разъ такъ прощалась Дина-Белла, каждый разъ увѣренная, что не вернется больше.

И каждый разъ въ сущности, условія для побѣга были одинаковы. Каждый разъ Мамедъ обнаруживалъ полную довѣрчивость. Каждый разъ они были только вдвоемъ на большихъ и малыхъ дорогахъ пустыни и вдали отъ оазисовъ очень рѣдко встрѣчали конныхъ и сидѣвшихъ на верблюдахъ арабовъ. Каждый разъ Дина-Белла жадно всматривалась по направленію запада, всматривалась туда, гдѣ склонялось солнце.

Но каждый разъ что-то удерживало ее въ тотъ самый моментъ, когда она уже готова была замахнуться стэкомъ и ударить Мамеда по его тюрбану конской головою литого серебра. Это не была нерѣшительность, не была трусость. Это было другое чувство. Динѣ казалось, что даже ошеломить до потери сознанія довѣрчиво скачущаго рядомъ Мамеда, было-бы со стороны ея большимъ вѣроломствомъ.

А, съ другой стороны, — защищала она себя — развѣ не вѣроломство ея похищеніе? И развѣ не вѣроломство, плюсъ еще самое отвратительное насиліе, что шейхъ посадилъ ее въ золотую клѣтку и вовсе не намѣренъ выпустить изъ этой клѣтки?

Такъ боролись двѣ Дины, чистая благородная дѣвушка, идущая прямыми путями, путями жизни — и плѣнница, желающая во что бы то ни стало вырваться на свободу. Вторая Дина побѣдила первую. Иначе и не могло быть. Надо было рѣшиться, пока не поздно. А это „поздно" могло наступить въ любой день. Али-Ахметъ былъ капризенъ, какъ всѣ деспоты, и, какъ всѣ капризные люди, былъ деспотомъ.

Завтра онъ можетъ сказать:

— Стопъ, довольно, синьора! Вы больше никуда не поѣдете. Я запрещаю ваши прогулки верхомъ.

Это было бы ужасно.

И Дина-Белла рѣшилась.

Рѣшилась, обдумавъ все спокойнѣйшимъ образомъ и такъ-же спокойно все взвѣсивъ. Она даже будетъ гуманна въ предѣлахъ возможнаго и такъ ударитъ Мамеда, чтобы остался цѣлымъ его черепъ — только-бы свалить его съ коня на какихъ нибудь полчаса.

И уже зная, что никакихъ отступленій не будетъ въ этотъ день, она и готовилась сообразно своему плану. А планъ былъ таковъ. Елико возможно вымотать, измучить своего коня, дабы, когда она оставитъ его, сама пересѣвъ на Мамедова жеребца, ни о какомъ преслѣдованіи нечего было бы и думать. И вотъ, едва они очутились въ пустынѣ, Дина объяснила Мамеду, частью мимикою, частью кое-какъ склеенными арабскими словами — она уже знала ихъ нѣсколько десятковъ, — что желаетъ „поучить" свою лошадь высшей школѣ.

День былъ жаркій и Мамедъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ это желаніе плѣнницы, и, почемъ знать, можетъ-быть въ недалекомъ будущемъ и первой одалиски гарема своего господина.

Онъ спѣшился со своего жеребца, сѣлъ, поджавъ ноги, на песокъ, закурилъ трубочку и принялся мурлыкать подъ носъ себѣ какой-то заунывный мотивъ. . .

А Дина-Белла, говоря спортивнымъ языкомъ, принялась „работать" свою лошадь. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ, не была она такой жестокой. Ни ея лошадь, ни Мамедъ не понимали, чего она хочетъ. Одна только Дина понимала. Она описывала широкіе вольты, то рысью, то карьеромъ и все время удары сыпались на крупъ лошади.

Каждый вольтъ былъ окружностью по крайней мѣрѣ въ четверть километра. Сперва Мамедъ считалъ эти вольты, но когда перевалило

за двадцать, онъ махнулъ рукой. Надоѣло считать .

Къ этому времени исполосованная лошадь была вся въ мылѣ и оставляла за собой слѣдъ изъ бѣлыхъ клочьевъ пѣны.

Удовлетворившись этимъ, Дина сдѣлала Мамеду знакъ слѣдовать за нею. Мамедъ однимъ прыжкомъ былъ уже въ сѣдлѣ и поровнялся съ наѣздницей.

Держась западнаго направленія, Дина выбрала одну изъ самыхъ безлюдныхъ дорогъ съ оазисами не на пути, а въ сторонѣ. И вотъ, когда по ея приблизительному подсчету они были уже километрахъ въ двадцати пяти отъ столицы, Дина, осмотрѣвшись и убѣдившись, что кругомъ одинъ мертвый песокъ, не расцвѣченный ничѣмъ, ни одной живой точкой, она, очутившись на „полъ-корпуса“ сзади Мамеда, трижды съ одинаковой средней силою ударила его по головѣ ручкою своего стэка.

Мамедъ не успѣлъ вскрикнуть, выпустилъ поводъ, взмахнулъ руками и зашатался. А дальше— дальше уже все пошло по давнымъ-давно разработанной программѣ.

Одинъ изъ револьверовъ Мамеда очутился въ карманѣ галифэ Дина-Беллы, другой шагахъ въ двадцати зарылся въ песокъ, а самъ Мамедъ, стащенный съ сѣдла въ тяжеломъ обморочномъ состояніи, лежалъ на пескѣ.

Поводъ своей лошади Дина крѣпко привязала къ его рукѣ, заботясь о томъ, чтобы очнувшійся Мамедъ могъ вернуться домой. Пока онъ очнется, пока доберется на въ конецъ измотавшейся лошади, бѣглянка уже будетъ далеко, такъ далеко, — не страшна никакая погоня !..

Норовистый, горячій жеребецъ, привыкшій только къ своему хозяину, всякую другую всадницу сбросилъ-бы. Всякую другую, только не Дину. Всѣ попытки были тщетны. Онъ взвивался на дыбы, поворачивалъ на заднихъ ногахъ,

какъ на оси, свое красивое, нервное, сильное тѣло. Еще моментъ — и онъ опрокинется на спину и всей своей тяжестью раздавитъ дерзкую всадницу. Но Дина была на чеку и держалась въ сѣдлѣ крѣпко. А вздумай жеребецъ дѣйствительно опрокинуться, она успѣла-бы соскочить; носки едва-едва касались стременъ. Пробовалъ жеребецъ и круто закидываться и вдругъ сразу уходить всѣми четырьмя ногами въ песокъ — ничто не помогало .

Особеннымъ лошадинымъ инстинктомъ своимъ онъ сразу почувствовалъ уваженіе къ смѣлой амазонкѣ. А это уваженіе перешло въ подчиненіе и покорность, когда амазонка больно огрѣла его стэкомъ нѣсколько разъ и по головѣ и по чувствительнымъ носовымъ хрящамъ.

Послѣ этого укрощенный жеребецъ, распластываясь, легко и стремительно, какъ вольный вѣтеръ пустыни, понесся къ западу

8, Эффектное появленіе Ридигера.

По горячимъ слѣдамъ Герца прибылъ въ ставку Али-Ахмета и Кнапъ. Но прибылъ куда съ большею тайною, чѣмъ сбѣжавшій изъ легіона дезертиръ Герцъ.

Располагавшій большими деньгами, частью своими собственными, частью данными герцогомъ Санъ-Феличе на предметъ освобожденія плѣнницы, Кнапъ пустился въ дорогу цѣлымъ маленькимъ караваномъ изъ трехъ верблюдовъ. На одномъ изъ этихъ кораблей пустыни важно возсѣдалъ самъ Кнапъ подъ цвѣтнымъ балдахиномъ, на двухъ другихъ верблюдахъ былъ его багажъ и были погонщики и слуги.

Кнапъ зналъ слабость восточныхъ людей къ внѣшнему блеску и не сомнѣвался въ томъ впечатлѣніи, какое онъ произведетъ на Али-Ахмета.

И, дѣйствительно, шейхъ встрѣтилъ Кнапа куда съ большимъ вниманіемъ и почетомъ, нежели Герца, хотя и обѣщавшаго „великія и богатыя милости“ отъ щедраго Третьяго Интернаціонала.

Съ первыхъ-же словъ Али-Ахметъ убѣдился, что Кнапъ обѣщаетъ гораздо больше, чѣмъ Герцъ и, главное, убѣдился, что Кнапъ значительнѣй и вліятельнѣй Герца въ тѣхъ сферахъ. содѣйствіе которыхъ было такъ важно и необходимо Али-Ахмету.

Кромѣ того, три верблюда, слуги, погонщики и багажъ изъ нѣсколькихъ дорогихъ чемодановъ и сундуковъ, — подѣйствовали на шейха. Правда, хотя онъ самъ теперь и славенъ, и знатенъ и богатъ, но давно-ли онъ былъ скромнымъ тамо-

женнымъ чиновникамъ и давно-ли такіе же англійскіе чемоданы изъ желтой кожи, вызывали въ немъ чуть-ли не благоговѣйное восхищеніе?

Кнапъ ознакомилъ шейха съ цѣлой „литературой“ паспортовъ, удостовѣреній и всякихъ иныхъ бумагъ, свидѣтельствовавшихъ подписями и печатями, что обладатель ихъ—крупная фигура во всѣхъ коммунистическихъ партіяхъ и путешествуетъ съ очень серьезными отвѣтственными полномочіями. Надо-ли прибавлять, что во всѣхъ этихъ важныхъ бумагахъ Кнапъ значился не Кнапомъ, а нѣкимъ Артуромъ Ридигеромъ.

Увѣренный, что Герцъ не знаетъ его въ лицо, Кнапъ, однако-же, видоизмѣнилъ свою внѣшность. Видоизмѣнилъ, но неприбѣгая ни къ парику, ни къ фальшивой бородѣ, ни ко всему, къ чему такъ любятъ прибѣгать сыщики.

Обыкновенно Кнапъ брился на-чисто, теперь же отпустилъ стриженные усики. Обыкновенно по модѣ зачесывалъ волосы назадъ, теперь же спрессовалъ ихъ англійскимъ проборомъ во всю голову, отъ лба и до самой шеи. Нѣсколько разъ въ день лакей, онъ же парикмахеръ, „освѣжалъ“ этотъ проборъ. Одѣтый въ бѣлую фланель, въ сверкающемъ бѣльѣ, съ моноклемъ въ глазу, моноклемъ, которымъ онъ владѣлъ, какъ виртуозъ, Кнапъ производилъ впечатлѣніе настоящаго дэнди. Да и врядъ ли самый изысканный дэнди когда-либо имѣлъ въ пустынѣ такой безукоризненно щеголеватый видъ.

Герцъ, хотя и видѣлъ въ этомъ нежданно-негаданно свалившемся щеголѣ до нѣкоторой степени конкурента, но и Герцъ былъ ошеломленъ и придавленъ его великолѣпіемъ. И Герца нисколько не удивило и онъ встрѣтилъ, какъ должное, что Ридигеръ взялъ сразу по отношенію къ нему покровительственный тонъ. И даже въ присутствіи Али-Ахмета.

Играя моноклемъ, то подхватывая его на лету глазной впадиной, то, движеніемъ этихъ са-

мыхъ глазныхъ мускуловъ, заставляя выпрыгнуть, хлопая Герца по плечу, Кнапъ говорилъ:

— Это очень мило, мой дорогой, что вы уже здѣсь! Очень мило... Я въ моихъ донесеніяхъ отмѣчу это не безъ удовольствія. Что-жъ, поработаемъ вмѣстѣ! Я вѣрю въ первое впечатлѣніе и думаю, что я въ васъ не ошибся

И говоря это, Кнапъ нащупывалъ Герца своими глазами, глазами развѣдчика.

Онъ думалъ:

— Такъ вотъ ты какой, знаменитый коммунистъ и убійца! Хотя ты каналья и очень опасная, и съ тобой надлежитъ ухо востро держать, но ты вовсе не такъ ужъ леденяще страшенъ, какимъ кажешься международной полиціи...

Кнапъ жилъ въ отведенной шейхомъ во дворцѣ комнатѣ, чего не удостоился Герцъ. Ему отвели комнату въ домѣ Кастаньяро. Какая разница! Вотъ что значитъ пріѣхать въ бѣлой фланели, на трехъ верблюдахъ, съ нѣсколькими чемоданами, держаться большимъ бариномъ и такъ владѣть моноклемъ, какъ если-бы этотъ монокль былъ неотъемлемой частицею самого тебя.

Вѣрный своему обѣщанію, данному Санъ-Феличе, тотчасъ-же по пріѣздѣ въ ставку Кнапъ началъ живо интересоваться судьбою похищенной дѣвушки, узналъ все, что можно было узнать и уже мозгъ его лихорадочно работалъ надъ планомъ освобожденія плѣнницы.

Но сама плѣнница побѣгомъ своимъ разбила всѣ планы Кнапа. Убѣжала Дина-Белла на другой день послѣ того, какъ прибылъ Кнапъ.

Поздней ночью, еле-еле дотащившись на изнуренной, загнанной лошади — она пала въ какой нибудь сотнѣ шаговъ отъ дворца — Мамедъ, добившись, чтобы немедленно разбудили шейха, доложилъ ему обо всемъ.

И какъ Дина-Белла въ теченіи двухъ-трехъ часовъ выматывала свою лошадь и какъ она

оглушила стэкомъ его, Мамеда, и какъ, пересѣвъ на жеребца, умчалась въ пустыню.

Безпредѣленъ былъ гнѣвъ „Демона пустыни".

Въ первый моментъ, выхвативъ кинжалъ, онъ готовъ былъ поразить имъ валявшагося въ его ногахъ Мамеда. Но самый острый безумный порывъ бѣшенства миновалъ и Али-Ахметъ ограничился тѣмъ, что нѣсколько разъ ударилъ ногой Мамеда въ лицо, выбивъ ему нѣсколько зубовъ и заливъ его кровью.

— Какъ, ты смѣлъ! Какъ ты смѣлъ, собака, не уберечь ее!?

— Повелитель, что я могъ сдѣлать? Развѣ я могъ предвидѣть такое . ,

— Долженъ былъ! Долженъ былъ все предвидѣть! . . .

Пятьдесятъ лучшихъ наѣздниковъ на лучшихъ скакунахъ брошено было въ погоню за бѣглянкою. Тому, кто доставитъ ее, живой или мертвой, Али-Ахметъ обѣщалъ двѣ большихъ пригоршни золота.

Шейхъ проклиналъ самъ себя на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Я послѣдній идіотъ изъ идіотовъ! Я глупѣе всѣхъ ословъ всей Триполитаніи вмѣстѣ взятыхъ! Эта бѣлая дѣвчонка ослѣпила меня, до того ослѣпила, что я, о дуракъ, идіотъ, болванъ, разрѣшилъ ей эти прогулки. Вотъ она и „прогулялась" ! . . .

Гнѣвъ Али-Ахмета, хотя и принялъ менѣе острыя формы, но не только не утихъ, а, наоборотъ, явилось желаніе на комъ-нибудь сорвать этотъ гнѣвъ. Не на себѣ-же самомъ въ концѣ концовъ . . .

А тутъ еще явился совѣтникъ въ лицѣ Герца.

— Великій шейхъ, по-моему было-бы только актомъ справедливости, если-бы эти два негодяя заплатили за ея побѣгъ своими головами. Какъ никакъ это гадюки одного и того-же подполья...

Хотя Али-Ахметъ вовсе не былъ согласенъ, что это гадюки одного и того-же подполья, ибо менѣе всего былъ склоненъ считать Дина-Беллу гадюкой, но мысль, какъ таковая, понравилась ему.

— Да, они должны заплатить своими головами! . . .

Онъ такъ былъ ослѣпленъ, такъ жгуче горѣлъ ненавистью, что въ этой горячей, какъ лава, ненависти, вся его симпатія къ Короченцеву и Пинедо превратилась въ пепелъ.

Вызванъ былъ главный палачъ и даны были соотвѣтствующія приказанія.

Посрединѣ тюремнаго двора воздвигли высокій деревянный помостъ. Десять ступеней вело къ квадратной площадкѣ, вмѣщавшей нѣсколько человѣкъ.

Казнь рѣшено было привести въ исполненіе тотчасъ-же, не откладывая, въ ясное солнечное утро.

Короченцевъ и Пинедо только что проснулись и, лежа въ постеляхъ, переговаривались между собою.

Съ удивленіемъ, перешедшимъ въ жуткое ощущеніе грозящей опасности, услышали они звукъ шаговъ большого числа людей, услышали голоса и звукъ повернувшагося въ ихъ двери ключа.

Ихъ камера наполнилась высокими свирѣпаго вида нубійцами, вооруженными до зубовъ.

Пинедо вскочилъ, всталъ въ оборонительную позу.

— Вы съ ума сошли! — остановилъ его Короченцевъ. — Они зарѣжутъ насъ, какъ барановъ. Сначала постараемся выяснить, въ чемъ дѣло? Я убѣжденъ, это недоразумѣніе какое-то...

Но ничего не пришлось выяснять. Сначала схватили Короченцева, связавъ за спиной ему руки, потомъ продѣлали то же самое и съ бѣлокурымъ Геркулесомъ.

Онъ сдѣлалъ попытку сопротивляться, но два темно-бронзовыхъ варвара приставили къ его груди острія длинныхъ отточенныхъ ножей, а другіе два толстой веревкой скрутили ему сзади руки. Обоихъ вывели во дворъ и оба, подталкиваемые нубійцами, поднялись на помостъ, гдѣ ожидалъ ихъ главный палачъ, опиравшійся на исполинскій мечъ, который обыкновенному человѣку съ трудомъ развѣ поднять было бы впору.

— Ну, я вижу, Пинедо, нашъ послѣдній часъ насталъ! — замѣтилъ Короченцевъ, внѣшне спокойный. — Молитесь, намъ ничего больше не осталось!

— Я ничего не понимаю, — бормоталъ Пинедо. — Неужели такъ скоро имъ удалось узнать, что мы . . .

Али-Ахмету дано было знать, что приговоренные къ смерти уже въ рукахъ палача и шейхъ, въ сопровожденіи Герца и своей свиты, очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ помоста.

Короченцевъ, увидѣвъ Али-Ахмета, обратился къ нему:

— Великій шейхъ! Объясни, что все это значитъ? Вѣря твоему обѣщанію, мы ждали твоего справедливаго суда; если ты успѣлъ получить доказательства, что мы шпіоны, гдѣ же они, эти доказательства? Мы въ правѣ ихъ услышать передъ тѣмъ, какъ наши головы скатятся на помостъ. Мы въ правѣ ихъ требовать!..

— Вы ничего не въ правѣ требовать! — вскипѣлъ Али-Ахметъ. — Я получилъ доказательства, но я не желаю давать никакихъ отвѣтовъ. И наконецъ, если бы даже не было вашей вины, вы, бѣлые, должны отвѣтить за побѣгъ этой бѣлой дѣвушки.

— Такъ вотъ оно что! Она убѣжала, Дина-Белла! — переглянулись оба смертника.

А Герцъ подливалъ масла въ огонь:

— Великій шейхъ! Прикажи этому негодяю замолчать! Какъ онъ смѣетъ вступать въ пререканія съ такой важной особой.

А сверху главный палачъ спросилъ Али-Ахмета:

— Повелитель, съ котораго начать?

— Въ самомъ дѣлѣ, съ котораго? Какъ вы думаете, мосье Герцъ? — обратился повелитель къ своему совѣтчику.

— Великій шейхъ, я думаю . . . думаю . . — соображалъ Герцъ, самъ не зная, съ кого-же, вправду, начать?

Жестокій мучитель всѣмъ существомъ своимъ, садистъ и убійца, онъ прикидывалъ, чья голова должна раньше скатиться?!

И подумавъ, высказалъ свое рѣшеніе:

— Мнѣ кажется, великій шейхъ, интереснѣе будетъ начать съ этого гладіатора. Въ самомъ дѣлѣ, русскій офицеръ болѣе тонкій, культурный человѣкъ. Любопытно посмотрѣть каковы будутъ его переживанія въ теченіи этихъ нѣсколькихъ секундъ, пока палачъ расправится съ его сообщникомъ и другомъ . . . Перспектива собственной смерти гораздо больше ударитъ его по нервамъ, чѣмъ если-бы они помѣнялись ролями . . .

— А вѣдь вы правы — согласился шейхъ. — Такую игру на нервахъ не часто приходится наблюдать.

И главный палачъ, не спускавшій своихъ звѣриныхъ глазъ съ лица шейха, получилъ приказаніе первымъ обезглавить Пинедо.

9. Одна въ пустынѣ.

Дина-Белла все мчалась и мчалась на западъ.

Теперь и ея мощный скакунъ былъ весь въ пѣнѣ. Бѣглянка щадила его настолько, насколько это было нужно, чтобы онъ не палъ въ пути и донесъ ее до первыхъ итальянскихъ аванпостовъ. По ея соображеніямъ къ ночи она увидитъ уже силуэты такихъ желанныхъ сторожевыхъ блокгаузовъ.

Уже солнце готово было вотъ-вотъ плавно соскользнуть за линію горизонта, линію, гдѣ кончалось море желто-бурыхъ песковъ и начинались тускнѣющія небеса, подернутыя нѣжными, золотыми стрѣлами.

Большой, четкій оранжевый кругъ солнца рдѣлъ какъ сверкающій щитъ, исполинскаго неземного рыцаря.

Этотъ щитъ былъ маякомъ, былъ путеводной звѣздою бѣглянки.

Но чѣмъ дальше, чѣмъ больше гасла увѣренность дѣвушки. Увѣренность, что путь ея правиленъ. Холодное сомнѣніе закрадывалось въ душу.

И было отчего.

Ее пугала мѣстность. Ей было хорошо извѣстно, что характеръ пустыни, бѣгущей къ морю—плоскостный, ровный, если не считать незначительныхъ бугровъ, такихъ незначительныхъ, что они даже не могутъ итти въ счетъ.

А, между тѣмъ, и вправо и влѣво и передъ нею, мѣстность принимала рѣзко опредѣленныя гористыя формы. И эти пока еще невысокія горы

были темнѣе, чѣмъ весь остальной фонъ и были покрыты кое-гдѣ по уступамъ и склонамъ растительностью — густые кустарники и маленькія деревья, не молодыя, а именно, маленькія, особенной какой-то карликовой породы.

Уже нельзя было не только мчаться карьеромъ, или даже галопомъ, но даже итти рысью,— такъ круто поднималась мѣстами дорога.

Шагомъ и только шагомъ.

И если галопъ и карьеръ отвлекали недобрыя мысли стремительностью движенія, вливая бодрость и вѣру въ успѣхъ, то ѣзда шагомъ давала возможность сосредоточиться на томъ, что такъ хотѣлось гнать отъ себя прочь.

А густой мракъ, почти внезапно безъ всякихъ свѣтовыхъ переходовъ, мракъ, хотя и звѣздный, но безлунный, такимъ-же мракомъ охватывалъ душу бѣглянки.

Для нея уже ясно: Никакихъ сомнѣній, она сбилась съ дороги. Да, сбилась, потому что на пути къ морю, вообще, и къ городу Триполи, въ частности, нѣтъ ни холмовъ, ни такихъ кустовъ, какъ эти, ни такихъ зарослей, какъ эти карликовыя деревья.

И наединѣ съ собою, тихой ночью въ пустынѣ, ночью, которая не звенѣла, какъ звенитъ ночь въ лѣсу, или въ полѣ, а была мертвая, мертвая, поняла Дина-Белла весь ужасъ своего положенія. Взявъ невѣрное направленіе, она сбилась съ пути и блуждаетъ одинокая, безпомощная, предоставленная волѣ злого человѣка и хищному звѣрю. Въ этихъ заросляхъ должны водиться и львы и гіены. Правда, гіены бѣглянкѣ не страшны, пока есть еще револьверъ, этотъ Мамедовъ кольтъ съ шестью пулями.

Ѣхать дальше, углубляться въ то невѣдомое, пугающее, куда она уже углубилась? Двигаться навстрѣчу еще болѣе неизвѣстному?

Да скоро и двигаться нельзя будетъ. Теперь ея мощный скакунъ такъ же вымотался, какъ вымоталась лошадь, оставленная ею Мамеду.

Жеребецъ, весь пропотѣвшій, такой мокрый, что вода ручьями текла съ него, еле двигался, тяжело хрипя. И, чтобы облегчить его, Дина спѣшилась и вела его на поводу.

Теперь только осознала она всѣмъ существомъ своимъ, какимъ сплошнымъ безуміемъ былъ ея побѣгъ. Этотъ побѣгъ кое-какъ, наугадъ, весь основанный на томъ, что, держась на западъ, она въ концѣ концовъ достигнетъ своей цѣли. Вотъ и достигла! Какое горькое разочарованіе! Тамъ, въ гаремѣ Али-Ахмета, до поры до времени могла быть все таки сносная жизнь . . Время бѣжало-бъ и почемъ знать? Можетъ-быть принесло-бы избавленіе. По крайней мѣрѣ, была-бы возможность цѣпляться за какія-то надежды. А сейчасъ и надеждъ никакихъ нѣтъ . .

Кто-бы не повстрѣчалъ ее здѣсь, это скорѣе будетъ недругъ, чѣмъ другъ. Это будутъ двоногіе шакалы пустыни. Двуногіе? А четвероногіе, настоящіе шакалы уже давали себя знать евоимъ отвратительнымъ воемъ, — что-то среднее между плачемъ ребенка и рыданіемъ совы . . .

Хищный звѣрь, будь это крупный, будь это малый, чувствуетъ нюхомъ своимъ на большомъ разстояніи присутствіе животнаго, особенно-же такого крупнаго, какъ лошадь, да еще пахнущая издалека своимъ крѣпкимъ здоровымъ потомъ . . .

Шакалы сами по себѣ не внушали страха бѣглянкѣ. Она знала, какъ они трусливы, знала, что даже въ большомъ количествѣ никогда не посмѣютъ напасть на человѣка, если онъ не раненъ и можетъ какъ-нибудь защищаться. Все это знала Дина-Белла, въ циркѣ научившаяся презирать маленькихъ, пугливо жмущихся, вонючихъ шакаловъ, но все-же ихъ вой не повышалъ ея настроенія а понижалъ.

Дико было-бы продолжать путь. Необходимо провести ночь на одномъ мѣстѣ, а утромъ—утромъ, что Богъ пошлетъ .

Къ позднимъ сожалѣніямъ, — ихъ было много — присоединилось еще одно: Увѣренная въ скоромъ благополучномъ исходѣ своего побѣга, Дина-Белла не захватила съ собой ни спичекъ, ни бензинной зажигалки.

А какъ пригодилось-бы и то и другое! Изъ сухихъ вѣтокъ она могла-бы разложить костеръ и его пламя, отпугивающее дикихъ звѣрей, было-бы защитой. Да и веселѣй какъ то, уютнѣе коротать ночь при свѣтѣ костра. Не такъ замѣтно, не такъ щемяще сознаніе своего одиночества.

Дина выбрала голую верхушку холма. Да и весь онъ былъ голый и только до половины взбѣгала растительность. Такимъ образомъ довольно большая поверхность была у нея на виду и давала достаточную гарантію отъ внезапнаго нападенія человѣка-ли, звѣря-ли, поскольку возможна, вообще, какая-нибудь гарантія при этихъ условіяхъ и въ ея положеніи.

Лошадь, какъ и человѣкъ, понимала создавшуюся обстановку. Жеребецъ, за нѣсколько часовъ до того пытавшійся сбросить дерзкую, чуждую ему всадницу, взвивавшійся на дыбы, искалъ своею мордой лица дѣвушки, а своими мягкими, мокрыми губами — ея рукъ И она не чувствовала себя вмѣстѣ съ нимъ такой одинокой и ласкала его, въ этихъ ласкахъ черпая бодрость. Они понимали другъ друга, у нихъ былъ общій языкъ, настолько общій, что, когда дѣвушка разсѣдлала жеребца и коснулась стэкомъ его колѣнъ, онъ понялъ, чего она хочетъ и улегся на короткой, сухой и колючей травѣ.

Дина такъ переволновалась и была въ такомъ нервно-повышенномъ состояніи, что хотя съ самаго ранняго утра ничего не ѣла — ни о какомъ аппетитѣ не могло быть и рѣчи. Зато жадно, жадно хотѣлось пить! Глотокъ воды былъ бы

отрадою, счастьемъ и для пересохшихъ губъ и словно выжженнаго рта. А лошадь? Ее необходимо напоить, иначе она можетъ издохнуть.

Дина спустилась внизъ, обогнула все подножіе холма, но тщетны были усилія найти какой-нибудь родникъ, какой-нибудь ручей, тѣмъ паче колодезь, — они такъ рѣдки въ пустынѣ

Вернулась отяжелѣвшая, съ трудомъ поднимаясь въ гору. Жажда, все крѣпчавшая и крѣпчавшая, все невыносимѣй давала себѣ знать. Уже какой-то то шумъ и въ головѣ и въ вискахъ. Уже какіе-то-темные круги застилали взглядъ.

Она призывала на помощь всю силу своей воли, чтобы не предаться этой разнѣживающей слабости, вслѣдъ за которой — полная потеря сознанія.

Ночь на холмѣ, вдали отъ раскаленныхъ за день песковъ, была скорѣй холодная, чѣмъ теплая. Былъ-ли это въ самомъ дѣлѣ холодъ, или ее начинало лихорадить — но только она ощущала во всемъ тѣлѣ ознобъ. И поэтому было такъ пріятно прильнуть къ лошади, отъ которой шелъ паръ и которая вся была источникомъ могучаго, животнаго тепла . . .

Дина-Белла, закрывъ глаза, не уснула, нѣтъ, а въ какой-то прозрачной платѣ дремѣ, отдалась воспоминаніямъ. И какъ во всѣхъ воспоминаніяхъ, да еще когда человѣка лихорадитъ, не было стройной послѣдовательности . . . Клочки, обрывки, то за бѣгавшіе впередъ, то уносившіеся назадъ, то, въ хаотической мозаикѣ, смѣнявшіе другъ друга...

Вотъ тонкій породистый профиль герцога Санъ-Феличе . .

Такъ близко, до жуткаго ясно и близко .

И вмѣстѣ съ этимъ какая-то щемящая боль. Онъ, этотъ гордый офицеръ любитъ ее, любитъ ее хорошимъ, бережнымъ чувствомъ . . . И онъ ей нравится, очень нравится, хотя полюбить его она еще не успѣла. Какъ онъ не похожъ на всѣхъ

остальныхъ поклонниковъ, забрасывавшихъ ее цвѣтами, встрѣчавшихъ и провожавшихъ взглядами, отъ которыхъ ей было непріятно.

Гдѣ онъ сейчасъ, герцогъ? Вспоминаетъ-ли онъ Дина-Беллу? Гдѣ бы онъ ни былъ, какъ не вспоминалъ бы, они далеки, безконечно далеки другъ отъ друга и безуміемъ было-бы мечтать о возможности встрѣчи . . . Вообще, безуміе мечтать сейчасъ о чемъ-бы то ни было свѣтломъ, радостномъ!

Она увидѣла отца, густо набѣленнаго, въ высокомъ бѣломъ войлочномъ колпакѣ и, на этой шутовской маскѣ — родные, безконечно родные глаза, полные тоски всегда и только, когда онъ смотритъ на дочь, озаренные улыбкой . . .

Вспомнивъ, какъ онъ сейчасъ долженъ убиваться, не находить себѣ мѣста, Дина ощутила рѣжущую неловкость въ рѣсницахъ и заплакала, сама не зная, кого ей больше было жаль — себя, или отца?

А вотъ омерзительное, кидающее въ дрожь видѣніе. Это — Кастаньяро. Но не Кастаньяро послѣднихъ этихъ дней, оскорблявшій ее, хлеставшій бичомъ, а тотъ другой, тамъ въ Неаполѣ, въ трико, съ татуировкою и шерстью на груди, когда, взбѣшенная его наглостью, она размахнулась и ударила его стэкомъ.

И была бы еще вереница обрывковъ, видѣній, картинъ и образовъ, если-бы всю эту полуявь, полу-дрему не вспугнуло рыканіе льва.

Дѣвушкѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ приходилось засыпать подъ рыканье львовъ. И эти, лишенные свободы, посаженные въ клѣтку цари пустыни даже въ неволѣ сохраняли свою царственность и царственно-грознымъ было ихъ оглушительное рыканіе. Но здѣсь это совсѣмъ иначе звучало, звучало потрясающе, стихійно, подхватываемое перекликами безбрежнаго эхо . . .

И близко, совсѣмъ близко

Несомнѣнно — вышедшій на водопой, или на добычу, или на то и другое вмѣстѣ левъ почуялъ лошадь.

И лошадь почуяла льва. Его рыканіе въ дрожь и трепетъ бросило жеребца. Имъ до того овладѣла паника, что парализовала даже инстинктъ самосохраненія. И не дѣлая даже попытокъ вскочить, искать спасенія въ бѣгствѣ, лошадь тряслась вся, такъ тряслась, какъ если-бы была нѣжнымъ и хрупкимъ существомъ.

И нѣжному, хрупкому существу пришлось ее успокоить. Дина-Белла гладила морду жеребца, проводила рукой по гривѣ, нашептывая что-то ободряющее

Рыканье смолкло, но отъ этого нисколько не было легче. Наоборотъ, — опасность лицомъ къ лицу вставала. Левъ, чтобы не вспугивать больше свою добычу, — шелъ прямо на нее.

Доносилось уже шуршанье, доносился сухой трескъ гдѣ-то внизу раздвигаемыхъ кустовъ.

Другая на мѣстѣ Дины рѣшила-бы цѣною жизни лошади, спасать свою собственную жизнь. Оставивъ на произволъ судьбы жеребца, сама убѣжала-бы прочь подальше.

Левъ, утащивъ въ свое логово тяжелое большое животное, не поинтересовался-бы человѣкомъ.

Но такой образъ дѣйствій показался-бы дѣвушкѣ постыднымъ вѣроломствомъ. Она перестала-бы уважать себя. Это было сложное чувство. Въ немъ не была просто рѣшимость отстоять жеребца, рискуя собою — нѣтъ . . . Ибо это было чувство куда болѣе странное въ которомъ переплетались и самолюбіе и гордость и еще много такого, въ чемъ сама Дина-Белла никогда-бы не дала себѣ отчета . . .

Правда, что такое шестизарядный, хотя и крупнаго калибра кольтъ? Какимъ надо быть

безразсуднымъ смѣльчакомъ, чтобы отважиться выступить противъ льва, съ хотя-бы даже дальнобойнымъ револьверомъ.

Но Дина-Белла очутилась въ такомъ положеніи, дошла до такихъ границъ отчаянія, такой сама себѣ казалась песчинкою, затерявшейся въ этомъ океанѣ враждебныхъ песковъ, что ни о здравомъ смыслѣ, ни о логикѣ не могло быть и рѣчи. Все что она, все что съ нею, все, что было, есть и будетъ — все это наперекоръ здравому смыслу и логикѣ . .

Смѣлымъ владѣетъ Богъ и все въ Его Господней Волѣ!

А поэтому

Дѣвушка настолько владѣла собою, что провѣрила указательнымъ пальцемъ спускъ. Ничего, спускъ мягкій. только-бы не было осѣчки .

И она залегла, залегла въ той сторонѣ, откуда приближался левъ. Во-первыхъ онъ не такъ стремительно бросится на человѣческую фигуру, почти втиснувшуюся въ землю. Это положеніе человѣка менѣе всего привычно для хищныхъ звѣрей. А, во-вторыхъ, имѣя точку опоры въ локтяхъ, гораздо больше шансовъ на вѣрность попаданія, И еще Дина-Белла имѣла силу въ себѣ рѣшить: она выпуститъ одну за другою четыре пули, только двѣ оставивъ про запасъ

Левъ уже давно покинулъ за собою гущу кустарниковъ и беззвучно, легко, элегантно прокрадывался вверхъ, уже заранѣе намѣчая себѣ точку, откуда онъ сдѣлаетъ гигантскій скачокъ, словно подброшенный вверхъ какимъ-то могучимъ механизмомъ.

И такъ какъ онъ поднимался снизу, а дѣвушка поджидала его сверху, то ей видны были только лишь его громадная косматая голова, да двѣ переднія лапы, съ какой-то неумолимой ритмичностью сокращавшіяся и съ каждымъ такимъ сокращеніемъ приближавшіе царя пустыни къ его

жертвѣ. Вотъ ихъ уже раздѣляетъ шаговъ десять, не болѣе. Уже вотъ, вотъ спружинится онъ, чтобы выбросить въ воздухѣ все свое красивое, стройное тѣло. И безъ того исполинская голова чудитея просто сказочно исполинской во мракѣ звѣздной ночи.

И когда надо было стрѣлять, какое-то оцѣпененіе овладѣло дѣвушкой. Съ ея волейвдругъ вступила въ борьбу чья-то чужая воля . И она, эта чужая воля, готова была парализовать лежавшій на спускѣ палецъ. Это было нѣчто подобное гипнозу и нечеловѣческаго напряженія стоило преодолѣть этотъ гипнозъ .

Слились въ одинъ четыре выстрѣла и диковиннымъ показалось дѣвушкѣ, что она не слышала ихъ звука, не видѣла четырехъ очень коротко блеснувшихъ огоньковъ. Вообще она мгновенно утратила всякую способность видѣть и слышать. Ее подхватило и унесло темное, безпробудное, глубокое, какъ смерть, какъ вѣчность, небытіе.

Почти все сверхъестественное напряженіе силъ повлекло за собой тяжелое обморочное состояніе.

Дальнѣйшее было уже безъ участія и сознанія дѣвушки. И это дальнѣйшее — едва не стоило ей жизни.

Левъ, пораженный на смерть, сдѣлалъ послѣдній прыжокъ и грохнулся съ высоты двухъ метровъ въ такомъ разстояніи отъ неподвижно распростертой Дина-Беллы, что его когти, его лапы, сводимые агонійной судорогой, были въ какомъ-нибудь полушагѣ отъ ея головы.

И лошадь почуяла, что страшный звѣрь уже не страшенъ больше и теперь только обрѣла свободу движеній. Вскочивъ, ранулась прочь, понеслась внизъ и наткнувшись на живую изгородь кустарниковъ, взяла вдоль нихъ, продолжая со слѣпу нестись безъ оглядки, безъ цѣли, словно торжествуя свое избавленіе.

Утромъ, уже когда начало пригрѣвать солнце, очнулась Дина-Белла. Сначала долго не могла сообразить, гдѣ она и что съ ней. Къ духовной разбитости присоединилась еще и физическая. Съ трудомъ могла пошевельнуться, пріоткрыть вѣки, словно свинцомъ налитые.

Первымъ впечатлѣніемъ былъ лежавшій передъ ней убитый левъ съ поникшей косматой головой и оскаленной пастью. Эта пасть вся въ густо запекшейся крови.

Одинъ глазъ пронизанъ случайной пулей, повлекшей за собою смерть. Изъ четырехъ, эта была единственная пуля, попавшая въ звѣря.

Потомъ, уже окончательно пришедши въ себя и внимательно осмотрѣвъ свой трофей, бѣглянка не нашла больше никакого другого раненія!

На этотъ разъ она побѣдила. Но не было и тѣни радости. Пусть левъ не растерзалъ ее, дальше, дальше что? Лошадь исчезла и только дорогое азіатское сѣдло, сейчасъ такое ненужное, лишнее, блестѣло на солнцѣ своими серебряными стременами и чеканнымъ серебромъ высокой луки.

Будь Дина въ нѣсколько иныхъ условіяхъ — она залюбовалась бы мощью и ширью необъятнаго пейзажа. Съ этого холма далеко, далеко кругомъ виденъ былъ горизонтъ на многіе десятки, а можетъ-быть и сотни километровъ. Всѣ остальные холмы были ниже, круглясь своей зеленью, своей растительностью. И они и тотъ, на которомъ была Дина, всѣ напоминали зеленые острова среди застывшихъ волнъ песчанаго моря.

Чѣмъ больше припекало солнце, тѣмъ больше мучили Дину приступы жажды. И теперь, сильнѣе чѣмъ минувшей ночью, начинало шумѣть въ головѣ и въ вискахъ, начинало лихорадить и плыли передъ глазами горячіе, то удушливо-темные, то удушливо-красные круги.

Она долго сидѣла, опустивъ на руки отяжелѣвшую голову, сидѣла безъ мыслей, безъ жела-

ній... Хотя нѣтъ. Всѣ мысли, всѣ желанія были въ одномъ:

Пить, пить, пить!

Десять лѣтъ жизни за глотокъ воды! За одинъ только глотокъ!

Просидѣла такъ въ полугорячечномъ забытьи неизвѣстно сколько времени.

И вдругъ увидѣла, въ километрѣ какомъ нибудь отъ холма, тянувшійся по дорогѣ вереницею, верблюдъ за верблюдомъ, караванъ.

Сначала глазамъ не повѣрила, принявъ этотъ караванъ за одинъ изъ тѣхъ миражей, что чудятся въ пустынѣ всѣмъ несчастнымъ, начинающимъ галлюцинировать отъ нестерпимой, сжигающей всѣ внутренности жажды. Не хватаетъ еще фантастическихъ городовъ, серебряныхъ озеръ съ чистой, прозрачной водою. . .

Но ни городовъ, ни озеръ нѣтъ, а верблюды мѣрно шагаютъ, мѣрно покачивая головами въ облакахъ пыли.

На нихъ сидятъ какія-то закутанныя фигуры и рядомъ идутъ пѣшіе люди.

Въ сознаніе Дины не проникло, что этотъ караванъ быть можетъ сулитъ ей новый плѣнъ, еще горшій, чѣмъ Али-Ахмета, сулитъ новыя испытанія. Всѣ ея помыслы были въ одномъ. Тамъ, на этихъ верблюдахъ, находятся мѣха съ водой, много мѣховъ и можно будетъ пить, пить безъ конца...

Схвативъ свой стэкъ, она привязала къ его кожаной петелькѣ свой платокъ и начала махать этимъ флагомъ, въ надеждѣ, что ее замѣтятъ, увидятъ.

Потомъ ноги ея подкосились и, выронивъ свой флагъ, она вновь потеряла сознаніе.

10. Неожиданное вмѣшательство.

Звѣроподобный палачъ грубымъ толчкомъ заставилъ Пинедо упасть на колѣни, а одинъ изъ помощниковъ, нубіецъ, еще болѣе грубо схвативъ голову атлета, нагнулъ ее такъ, чтобы ударомъ меча легко было отдѣлить эту голову отъ богатырскаго туловища.

Пинедо успѣлъ сказать!

— Прощайте, Короченцевъ!

Тонкое лицо Короченцева искажено было, именно той мукою, тѣмъ страданіемъ за другого человѣка, за ближняго, на которое расчитывалъ Герцъ, настаивая, чтобы Пинедо казненъ былъ первымъ.

Кастаньяро былъ въ числѣ присутствующихъ, хотя и не стоялъ въ группѣ свиты шейха, не рѣшаясь присоединиться къ ней, какъ фаворитъ, очутившійся въ опалѣ у своего господина.

Несмотря на эту опалу, забывъ, что она можетъ имѣть роковыя послѣдствія, Кастаньяро чувствовалъ себя именинникомъ. Еще-бы! Цѣлыхъ двѣ радости свалились на него въ это утро!

Первая — побѣгъ Дина-Беллы. Онъ бѣсился при одной мысли, что шейхъ отнялъ ее у него и она достанется шейху, а теперь она ускользнула и отъ шейха и пусть она лучше погибнетъ въ пустынѣ, чѣмъ достанется кому-нибудь другому, кромѣ него, Кастаньяро. Или онъ, или никто! Съ этимъ еще можно примѣриться

Вторая, — черезъ нѣсколько секундъ Пинедо не будетъ въ живыхъ. Эта радость затмила даже первую. Два раза такъ унизившій его Пинедо не

существуетъ больше. Да, не существуетъ, ибо его казнь уже почти совершившійся фактъ. Нѣсколько мгновеній, отдѣляющихъ жизнь отъ смерти, уже не въ счетъ.

Зависть къ Пинедо, къ его силѣ, ловкости, къ его благородству, его прекрасному сложенію, къ тому, чего нѣтъ у Кастаньяро, все это черезъ мгновеніе потеряетъ свой смыслъ. Но что это? Чего онъ хочетъ — новый гость, этотъ господинъ въ бѣлой фланели и въ бѣломъ тропическомъ шлемѣ, почти бѣгомъ идущій прямо на Али Ахмета?

И еще издали громко кричащій по французски:

— Шейхъ, будьте добры пріостановить казнь!

И это брошено было съ такой силою и властью, что Али-Ахметъ далъ знакъ палачу, уже взмахнувшему по воздуху своимъ страшнымъ оружіемъ, передъ тѣмъ какъ опустить его на мощную шею Пинедо.

Палачъ, поставивъ мечъ остріемъ внизъ и, опершись на рукоятку, застылъ въ ожидательной позѣ. Не все-ли равно. Жертва не уйдетъ отъ него. Весь вопросъ въ минутахъ.

— Господи милостивый! Николай Угодникъ Святой! Неужели ты услышалъ мои молитвы? — проникновенно шепталъ Короченцевъ.

А Кнапъ смѣло, какъ равный къ равному подошелъ къ Али-Ахмету и, взявъ его подъ руку, отвелъ въ сторону.

— Шейхъ, что вы дѣлате?

— Какъ видите, мосье Ридигеръ, какъ видите! Собираюсь казнить двухъ шпіоновъ.

— А вы увѣрены, что они шпіоны?

— Такъ-же, какъ и въ томъ, что разговариваю сейчасъ съ вами.

Кнапъ спокойно вставилъ въ глазъ монокль.

— Допустимъ даже, что у васъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Допустимъ. Но почему же та-

кая, я бы сказалъ, такая чрезмѣрная поспѣшность? Снести голову съ плечъ долой легче легкаго, а потомъ при всемъ желанiи не приставить.

— У меня нѣтъ никакого желанiя приставлять, мосье Ридигеръ. Никакого! Казнь этихъ обоихъ негодяевъ мною рѣшена нѣсколько дней назадъ и только сейчасъ будетъ приведена въ исполненiе . . Извините меня, черезъ нѣсколько минутъ я буду къ вашимъ услугамъ.

— Шейхъ, черезъ минуту будетъ уже поздно!

Я васъ отказываюсь понимать! Вы, видный представитель коммунистическихъ партiй, вы, вся цѣль чья работать со мною, вы желаете спасти людей, которые противъ меня, противъ нашего общаго дѣла!

— Вотъ именно потому, что я видный коммунистъ и явился сюда работать вмѣстѣ съ вами, именно потому я, въ интересахъ нашего общаго дѣла, и совѣтую вамъ не торопиться съ казнью.

— Теперь я уже окончательнымъ образомъ ничего не понимаю!

— Я вамъ сейчасъ объясню

Въ это время къ нимъ подошелъ Герцъ, обезпокоенный вмѣшательствомъ Ридигера. Того гляди еще, сорветъ интересное зрѣлище, которое не часто увидишь даже и въ Африкѣ.

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло? — началъ Герцъ.

— Въ томъ, товарищъ Герцъ чтобы вы не вмѣшивались въ мой разговоръ съ шейхомъ, — рѣзко оборвалъ его Кнапъ, вынимая изъ глаза монокль. — Потрудитесь вернуться на свое мѣсто.

Растерявшiйся Герцъ, поспѣшно отступилъ, бормоча какiя-то извиненiя.

Кнапъ, тотчасъ-же забывъ о немъ, или сдѣлавъ видъ, что забылъ, продолжалъ, обращаясь къ шейху:

— Повторяю вамъ, именно въ силу всѣхъ этихъ соображеній надобно притти къ выводу, къ которому пришелъ и я, вашъ покорнѣйшій мной. И вы, шейхъ, какъ человѣкъ умный, поймете меня лучше, нежели кто-бы то ни было . .

Польщенный этимъ комплиментомъ, Али-Ахметъ приготовился гораздо благосклоннѣе встрѣтить дальнѣйшія слова Кнапа.

А дальнѣйшія слова его были таковы:

— Не Богъ вѣсть какое искусство, дорогой шейхъ, уничтожить шпіона, убѣдившись даже, что онъ шпіонъ. Это можетъ сдѣлать всякій. А вотъ гдѣ настоящее искусство, дорогой шейхъ, это переманить шпіона и заставить его служить своимъ интересамъ. Давно-ли вы сами сказали мнѣ, что цѣните обоихъ этихъ людей. Этотъ, какъ его тамъ, Пинедо, по вашему же могъ бы быть отличнымъ инструкторомъ по гимнастикѣ въ вашей пѣхотѣ, ибо пѣхотинецъ прежде всего нуждается въ выправкѣ. А этотъ русскій прямо кладъ! Я убѣжденъ, что ни Германія, ни Россія не пришлютъ вамъ, вѣрнѣе намъ — спохватился Кнапъ — такого спеціалиста по кавалерійскому дѣлу, какъ этотъ ... этотъ... языкъ отказывается выговаривать такія варварски трудныя для произношенія славянскія фамилія . . . — вдохновенно импровизировалъ Кнапъ, самъ славянинъ и полякъ.

Онъ заставилъ призадуматься Али-Ахмета.

А толпа приближенныхъ шейха, подзадариваемая Герцомъ и Кастаньяро, начинала выказывать нетерпѣніе. Это нетерпѣніе, заразительное, какъ всякое стадное чувство, передавалось и палачамъ, совсѣмъ по другому отзываясь въ мозгу и душѣ осужденныхъ.

Для нихъ эта неожиданная проволочка была невыносимой пыткою. Они такъ освоились со своей казнью, съ тѣмъ, что головы ихъ будутъ снесены, — перспектива прожить еще нѣсколько минутъ не улыбалась, а, наоборотъ, пугала.

Скорѣй-бы конецъ всему! Скорѣй!

У Короченцева, глубоко вѣрующаго, явился проблескъ надежды. Въ томъ, что господинъ въ бѣлой фланели пріостановилъ взмахъ меча надъ головою Пинедо и вь чемъ-то упрямо, настойчиво убѣждаетъ шейха — въ этомъ Короченцевъ видѣлъ заступничество какой-то Высшей Силы, той самой, что уже нѣсколько разъ спасала его самого отъ неминуемой гибели и на театрѣ великой войны и въ борьбѣ съ большевиками.

Кнапъ не сомнѣвался, что онъ не только поколебалъ Али-Ахмета, но и убѣдилъ, почти убѣдилъ. Оставалось нанести послѣдній ударъ и Кнапъ нанесъ его

— Мой добрый совѣтъ, шейхъ — сдѣлаемъ такъ — я говорю сдѣлаемъ, потому что вторую половину роли беру на себя. Вы торжественно объявите имъ вашу милость, что вы даруете имъ жизнь. Надо-ли пояснять, какое это на нихъ произведетъ колоссальное впечатлѣніе? Подъ этимъ впечатлѣніемъ они вернутся назадъ къ себѣ въ свою камеру. А немного погодя Ридигеръ нанесетъ визитъ этимъ воскресшимъ изъ мертвыхъ молодцамъ. И смѣю васъ увѣрить, я ихъ обработаю въ лучшемъ видѣ! Не я-ли, чортъ возьми, собаку съѣлъ на агитаціи, на этомъ искусствѣ улавливать человѣческія души. Держу какое угодно пари, вы сегодня-же получите парочку незамѣнимыхъ преданнѣйшихъ слугъ и вамъ лично и вашему — нашему общему дѣлу, — поправился Кнапъ.

Помолчавъ, подумавъ, шейхъ отвѣтилъ:

— Хорошо, я попробую это сдѣлать.

— Да? — воскликнулъ человѣкъ въ бѣлой фланели и съ моноклемъ. — Я радъ, очень радъ! И знаете чему? Вовсе не тому, что я вырвалъ этихъ людей изъ объятій смерти, а тому, что не ошибся въ васъ, дорогой шейхъ. Вы дѣйствительно личность большого ума и вашъ поступокъ

будетъ поступкомъ крупнаго государственннаго человѣка.

Этимъ послѣднимъ комплиментомъ, Кнапъ окончательно завоевалъ „Демона пустыни“. Еще-бы! Образованный, культурный европеецъ призналъ, шутка-ли сказать, его, Али-Ахмета, человѣкомъ большого государственнаго ума. А, какъ всѣ люди Востока, Али-Ахметъ былъ весьма неравнодушенъ къ лести.

На этой именно слабой стрункѣ Кнапъ, далеко не плохой наблюдатель и психологъ, игралъ по нотамъ.

Къ разочарованію Герца, къ бѣшенству Кастаньяро и къ неудовольствію своихъ приближенныхъ, „Демонъ пустыни“ даровалъ жизнь обоимъ плѣнникамъ.

Отведенные нубійцами, уже очутившись въ своей камерѣ, они еще пикакъ не хотѣли вѣрить въ свое чудесное спасеніе. Смерть заглянула въ самые сокровенные тайники ихъ души своими слѣпыми очами. Уже Пинедо слышалъ надъ своей головой свистъ разсѣкавшей воздухъ стали, уже Короченцевъ, отвернувшись, зажмурилъ глаза, уже все померкло — и вдругъ этого ничего нѣтъ и опять они будутъ чувствовать себя, свое тѣло, свои мысли, желанія — и опять для нихъ будетъ свѣтить солнце. Сгинулъ, отлетѣлъ прочь злой кошмаръ и только единственное непріятное физическое осталось: затекшія руки отъ только-что впивавшихся въ нихъ грубыхъ веревокъ.

Едва они успѣли притти въ себя, едва успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, между ними выросъ человѣкъ въ бѣлой фланели.

Они бросились къ нему.

— Мы вамъ обязаны жизнью! Мы ваши вѣчные неоплатные должники!

— Полноте, господа! Благодарить, по моему, еще преждевременно. Да и вообще, стоитъ-ли

благодарить? Оказывать другъ другу маленькія услуги — наша обязанность.

— Вы называете это маленькой услугой?! — вырвалось у Пинедо.

— Конечно! Это сущій пустякъ. Не для васъ — для меня. Я въ пять минутъ переубѣдилъ Али-Ахмета и, признаюсь, это не стоило большихъ усилій. А теперь къ дѣлу, господа! Кто я, что я — это неважно. Важно другое. Надѣюсь, насъ никто не подслушиваетъ? Кто сидитъ справа и слѣва отъ васъ?

— Какіе-то арабы.

— Чудесно. Стѣны толстыя?

— Обыкновенная рѣчь не проникаетъ . . .

— Еще лучше!

Кнапъ подошелъ къ дверямъ и глянулъ въ рѣшетчатое оконце. Мимо взадъ и впередъ маячилъ нубіецъ.

— Во всякомъ случаѣ будемъ говорить шопотомъ. Вы, Пинедо, все понимаете по французски?

— О, да!

— Хотя, наивный вопросъ! Какой-же итальянецъ, прколесивши по бѣлу свѣту, какъ вы, не говоритъ по французски? Итакъ, въ данномъ случаѣ важно, мои милые собесѣдники, то, что я одного съ вами лагеря. Это, разумѣется, подъ величайшимъ секретомъ. Моя цѣль — выиграть время—достигнута. Слѣдующая цѣль — вырвать васъ отсюда уже окончательно — впереди и успѣхъ ея въ рукахъ его величества случая. Оружіе, которымъ мнѣ удалось побѣдить Али-Ахмета — простое. Я сказалъ ему, что въ признательность за помилованіе вы будете служить ему.

— Ни подъ какимъ видомъ! — воскликнулъ атлетъ. — По крайней мѣрѣ я. Лучше смерть!

— Не горячитесь, Пинедо. Неужели вы думаете, что я серьезно сталъ-бы васъ убѣждать

сдѣлаться ренегатомъ? Ни за что на свѣтѣ! Но до поры до времени надобно играть комедію и вы должны ее играть. Должны! Не такъ ли мосье Короченцевъ?

— Я совершенно съ вами согласенъ. Это необходимо!

— Ну вотъ, умныя рѣчи пріятно слушать. Отчего-же не позабавиться? Давайте забавляться! Одинъ будетъ обламывать арабскихъ пѣхотинцевъ, наращивая ихъ мускулы и тамъ, не знаю, что еще. Другой займется превращеніемъ конныхъ ордъ въ колонны стройныхъ маневрирующихъ эскадроновъ. Право-же, — итальянская армія нисколько отъ этого не пострадаетъ. Тѣмъ болѣе, что со дня на день начнутъ слетаться сюда германскіе и красные офицеры и займутся этимъ-же самымъ. Слѣдовательно, въ интересахъ Али-Ахмета оба вы не откроете никакихъ новыхъ Америкъ. Ну, что? По рукамъ!

— По рукамъ!

— Вотъ видите, какъ хорошо найти общій языкъ. Нѣтъ, я положительно во время появился здѣсь. Хотя, не совсѣмъ во время. Успѣй я перекинуться парою словъ съ этой Диной-Белла, она не убѣжала-бы.

— Какъ! Она убѣжала? — воскликнули въ одинъ голосъ Пинедо и Короченцевъ.

— Да, и я боюсь, что совсѣмъ не на радость себѣ. Какъ-бы не вышло чего-нибудь похуже. Не зная мѣстности броситься, очертя голову, наугадъ. Это безуміе, безуміе, на которое можетъ подтолкнуть развѣ лишь безысходный ужасъ! Въ самомъ дѣлѣ, если даже погоня ее не настигнетъ, ее ждетъ въ пустынѣ, или неизбѣжная гибель или она попадетъ въ руки одной изъ разбойничьихъ шаекъ. Если-же ее изловятъ наѣздники Али-Ахмета, вы можете себѣ представить, какая ждетъ ее участь?

— Подумать страшно! — молвилъ Пинедо, качая головой. — Вотъ уже не задача этой бѣдной дѣвушкѣ! А все негодяй Кастаньяро! Боже, какой я дуракъ! Такого еще нѣтъ на свѣтѣ! Дважды могъ покончить съ нимъ и оба раза выпустилъ.

— Да. Это великодушіе не по разуму! согласился Короченцевъ.

Оставшись еще нѣсколько минутъ, давъ нѣсколько совѣтовъ узникамъ, Кнапъ вышелъ изъ камеры.

11. Новая драма въ циркѣ.

Думалъ-ли когда-нибудь Бобби-Броди, что Люциферу суждено пасть отъ его собственной руки? Это дѣйствовало на укротителя угнетающе и не только въ частной жизни, но и въ своей работѣ на аренѣ онъ былъ уже другой, совсѣмъ другой Бобби-Броди.

Куда дѣвалась его неизмѣнная веселость и такая-же неизмѣнная увѣренность въ себѣ, не покидавшая его въ самые рискованные моменты, когда весь циркъ, затаивъ дыханіе и самъ затаившись, слѣдилъ за его львами и тиграми—и, подъ щелканье его бича, они превращались въ дрессированныхъ кошекъ.

И звѣри почуяли перемѣну въ своемъ властелинѣ, почуяли, что уже не та его воля, что какой-то неуловимый духъ, духъ окрылявшій его желѣзной вѣрою въ себя, отлетѣлъ . . .

Хищники по прежнему разсаживались пирамидою на цвѣтныхъ высокихъ табуретахъ, на которыхъ никогда не сидитъ чоловѣкъ, по прежнему скакали сквозь объятые пламенемъ обручи. По прежнему изгибали свою спину, когда на нее садился карликъ Ванька Встанька, онъ-же Иванъ Погребнякъ.

Внѣшне, казалось, все было по прежнему. А между тѣмъ многое было совсѣмъ иначе и это больнѣе всѣхъ, острѣе всѣхъ, сознавалъ самъ Бобби-Броди. Звѣри чаще выказывали неповиновеніе. Тигры чаще спружинивались съ оскаленной пастью, вотъ-вотъ готовые броситься на укротителя. Чаще раздавалось злобное рычанье львовъ и чаще замахивались они лапою на

Бобби-Броди. Ихъ косматыя головы походили въ такіе моменты на человѣческія головы, а ихъ лапы — не человѣческія руки.

Ванька-Встанька, еще недавно съ развязнымъ видомъ мячикомъ вкатывавшійся въ клѣтку въ своемъ красномъ фракѣ, теперь ходилъ ни живъ, ни мертвъ и ѣздить верхомъ на львахъ и тиграхъ было для него каждый разъ пыткою. Онъ обливался холоднымъ потомъ и его веселая улыбка, улыбка спеціально „для многоуважаемой публики", превращалась въ блѣдную застывшую гримасу.

Онъ даже аппетитъ потерялъ.

Онъ жалобно сѣтовалъ.

— Господинъ Бобби-Броди, что со мной сдѣлалось — и самъ не знаю! Вѣрите, сидишь на Цезарѣ, или на Аттилѣ и такъ еще каблучками дѣлаешь, будто-бы шпорами, а самого трясетъ! И потомъ рубашка на спинѣ мокрая, хоть выжми. Если-бы не моя любовь къ вамъ, потому что вы мой благодѣтель,—честное слово, бросилъ-бы это занятіе. Помирать не хочется, жить еще охота.

И дѣйствительно, въ этомъ крохотномъ человѣчкѣ была громадная любовь къ жизни. Весь онъ былъ какой-то ясный, солнечный, хотя за послѣднее время пересталъ быть и яснымъ и солнечнымъ.

Бобби-Броди, какъ умѣлъ, утѣшалъ его:

— Не боится, Ванка, не боится! Боится плохо! Куражъ теряетъ, все теряетъ! Цезарь и Аттила ничего не сдѣлаетъ Ванка. Ванка маленкій, а хищный звѣрь не дѣлаетъ нехорошо маленкимъ ребенкамъ и маленкимъ человѣкамъ . . .

Искренно, отъ всего сердца, жаждалъ Бобби-Броди успокоить своего крохотнаго помощника, но это ему не удавалось.

— Нѣтъ, господинъ Бобби-Броди, — вздыхалъ Ванька — чего-то не хватаетъ, а чего — и

самъ не знаю! И все у насъ пошло вверхъ ногами съ той поры, какъ не стало нашего краснаго солнышка Дины-Белла. Ну, а потомъ опять Люциферъ подгадилъ. Не надо было принимать этого рябого.

— Я его выгань, этотъ рябой...

— Такъ что-жъ, что вы его выгнали, когда было поздно!

— И такіе каждый день шли разговоры, а вечеромъ, вздыхая и крестясь, напяливалъ Ванька на свою игрушечную фигурку свой ярко-огненный фракъ и шелъ въ клѣтку, очень плохо вѣря, что хищники не трогаютъ никогда такихъ карликовъ, какъ онъ, Иванъ-Погребнякъ.

Чего тамъ? Въ лучшемъ видѣ, на куски раздеретъ, а если голодный, то и слопаетъ за милую душу. Однѣ мѣдныя пуговицы останутся отъ Ваньки...

А на маленькомъ фракѣ маленькаго Ваньки были громадныя мѣдныя пуговицы.

Да, карликъ нашелъ мѣткое слово, назвавъ Дину-Белла „солнышкомъ“ цирка. Теперь этого „солнышка“ нѣтъ и все какъ-то не клеится и ничего не выходитъ такъ хорошо и такъ стройно, какъ выходило раньше.

И безъ того не особенно ласковый и мягкій Прозерпи, мало кому сказавшій доброе слово, теперь чуть-чуть не кидался на людей, какъ бѣшеная собака и прямо подступу не было къ нему. Всѣмъ доставалось, всѣмъ влетало, но больше всего-бѣдному Ланчи.

— У меня циркъ, сударь, а не богадѣльня для дряхлыхъ и слабыхъ умомъ артистовъ! Кто не желаетъ работать, силой не заставишь, но и меня силою не заставить держать у себя нахлѣбниками выжившихъ изъ ума клоуновъ. Сорокъ тысячъ чертей на мою лысую голову, если вы получите у меня хоть одну лиру!

— Я и не прошу у васъ ничего, — кротко отвѣчалъ отецъ Дины-Белла, исхудавшій и отъ своего горя, а подъ конецъ и отъ голода. Нѣсколько дней онъ питался кое-чѣмъ въ сухомятку, тратя послѣднюю свою мелочь.

Ему говорили:

— Послѣ вашей дочери остался гардеробъ, остались платья, продайте ихъ! Здѣсь любятъ одѣваться въ европейское. Вотъ и хватитъ на два-три мѣсяца жизни . . .

— Что вы? Что вы? — испуганно отмахивался Ланчи. — Вы такъ говорите, какъ если-бы ея не было, какъ если-бы, не дай Богъ, она умерла! Грѣхъ, право, такъ говорить! Она вернется, моя Динечка, вернется! Да я предпочелъ бы околѣть лучше, нежели продать, хотя-бы одно изъ ея платьевъ. Да, да, околѣть, нежели посягнуть на ея вещи. Это было-бы святотатствомъ! . .

Прозерпи при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ ему, что не дастъ ни одной лиры и съ неизмѣнной кротостью старый клоунъ отвѣчалъ:

— Я-же у васъ ничего и не прошу! . .

— Не просите не просите, а у самого глаза, какъ у голодной собаки. Хоть и не проситъ, а самъ дашь изъ жалости.

Такъ говорилъ Прозерпи, но жалости особенной не обнаруживалъ и ничего не давалъ.

Кто подкармливалъ Ланчи, — это Бобби-Броди. Самолюбпвый клоунъ отказался, отнѣкивался, но Бобби-Броди почти силою уводилъ его въ ресторанъ и чуть-ли не силою, свирѣпо, вращая громадными бѣлками, заставлялъ ѣсть.

А неизмѣнный Ванька-Встанька, нѣжно глядя на клоуна своими дѣтскими глазами, такими странными на его усатомъ лицѣ, подбадривалъ его:

— Кушайте господинъ Ланчи, кушайте на здоровье! Чего тамъ, вы думаете Бобби-Броди нашъ обѣднѣетъ?

Положеніе стараго клоуна значительно измѣнилось къ лучшему, лишь только герцогъ Санъ-Феличе узналъ въ какихъ бѣдственныхъ условіяхъ очутился отецъ Дины-Белла.

Онъ взялъ стараго Ланчи изъ фургона, откуда Прозерпи уже хотѣлъ его выгнать и поселилъ въ отелѣ, щедро заплативъ полный пансіонъ за два месяца впередъ и, давъ тысячу лиръ на такъ называемые, карманные расходы.

Все это было для Санъ-Феличе сущей безделицею. И не на это онъ былъ готовъ для отца любимой дѣвушки.

Сборы въ циркѣ, если и не были такъ блестяще, какъ прежде, то во всякомъ случаѣ, нельзя было ихъ назвать плохими. Въ публикѣ не остывалъ интересъ къ Бобби-Броди и его „труппы". Наоборотъ, онъ, этотъ интересъ, увеличивался, когда начали убѣждаться зрители съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что укротитель уже не такъ легко обуздываетъ своихъ звѣрей и они то и дѣло отказываютъ ему въ повиновеніи, становясь съ каждымъ вечеромъ все смѣлѣе и смѣлѣе. И толпа вошла въ циркѣ, тая нехорошую, постыдную мысль.

— А что, если сегодня звѣри, кинувшись на этого негра, если и не растерзаютъ его, то все-же изранятъ, искалѣчатъ?

Какъ всегда номеръ со звѣрями былъ послѣднимъ. Во-первыхъ, какъ самый интересный самый захватывающій, а, во-вторыхъ, какъ самый сложный въ смыслѣ техническихъ приготовленій.

Человѣкъ десять артистовъ и прислуги въ теченіи минутъ дватцати, устанавливали вокругъ арены желѣзную клѣтку высотою въ два съ половиною метра. Къ ней велъ такой-же корридоръ, весь изъ желѣныхъ прутьевъ, а къ этому корридору вплотную подкатывались на колесахъ клѣтки со звѣрями. Вытянутыя другъ за другомъ, съ поднятыми рѣшетками онѣ превращались въ

одну продолговатую клѣтку,откуда звѣрей выгоняли на арену.

Такъ было и на этотъ разъ.

Посреди обнесенной желѣзомъ арены очутились Бобби-Броди, карликъ, шесть тигровъ и пятеро львовъ.

Какъ всегда, началось съ „живой пирамиды". Какъ всегда разставлены были въ симметричномъ порядкѣ бѣлые, раскрашенные яркими цвѣтами табуреты и, какъ всегда, щелкая бичомъ, укротитель: заставлялъ звѣрей вскакивать на эти круглыя, тяжелыя табуретки.

И львы и тигры повиновались безъ особеннаго протеста, за исключеніемъ громаднаго стараго льва Цезаря и могучаго бенгальскаго тигра съ сѣдыми усами, звавшагося Аттилою. Оба долго ни за что не хотѣли принять участіе въ пирамидѣ, особенно левъ, который долженъ былъ увѣнчать своей царственной фигурой самый высокій центральный табуретъ.

На щелканье бича Цезарь гнѣвно огрызался, такъ-же гнѣвно замахиваясь лапой на Бобби-Броди.

Зрители съ нехорошимъ какимъ-то пьянѣющимъ блескомъ въ глазахъ, волнуясь, изнывали отъ „сильныхъ ощущеній

Убѣдившись, что сколько ни хлопай бичомъ, Цезарь не сдѣлаетъ желаннаго прыжка на табуретъ, Бобби-Броди подошелъ ближе къ звѣрю и древкомъ бича нанесъ сму ударъ по носу. Цезарь такъ зарычалъ, — даже сидѣвшую далеко за рѣшеткою публику бросило въ дрожь и трепетъ. Зарычавъ и вскинувшись на дыбы, вотъ-вотъ готовъ левъ обрушиться обѣими лапами на плечи негра въ огненно-красномъ фракѣ. Бобби-Броди понялъ — одно изъ двухъ и это поняли всѣ: или звѣрь сейчасъ растерзаетъ человѣка, или человѣкъ сейчасъ же подчинитъ его своей волѣ . . .

Бобби-Броди со всего размаху, еще больнѣе ударилъ льва по носу рукояткою бича. И левъ на этотъ разъ покорился человѣку, рѣшивъ: если человѣкъ такъ бьетъ, значитъ онъ въ силѣ и правѣ.

И левъ, огрызнувшись больше для виду, какъ бы изъ самолюбія „я все-таки, молъ, протестую", эластично собравъ свое мощное тѣло въ упругій комокъ, безшумнымъ легкимъ прыжкомъ, перенесся на самый высокій центральный табуретъ, увѣнчавъ своей громадной косматой головой остріе „пирамиды".

Дружный взрывъ аплодисментовъ былъ наградою отважному укротителю, но тотчасъ-же раздалось не менѣе дружное шиканье всѣхъ тѣхъ благоразумныхъ, кто понималъ, что всякій внезапный шумъ нервируетъ звѣрей, а слѣдовательно, дѣлаетъ ихъ опасными для человѣка, вынужденнаго изъ-за куска хлѣба находиться въ ихъ обществѣ.

Пирамида смѣнилась прыганьемъ сквозь мелкіе деревянные обручи, обмотанные папиросной бумагою, слегка смоченной керосиномъ. Ванька-Встанька поджигалъ эту бумагу, обручи, укрѣпленные на металлическихъ стержняхъ, охватывались пламенемъ и тигры и львы, одинъ за другимъ, проносились черезъ пылающіе круги подъ аккомпаниментъ одного щелканья бича.

Вотъ и послѣдній трюкъ: „Верховая ѣзда".

Блѣдный Ванька-Встанька шепталъ:

— Царица Небесная, заступись и помилуй!

А Бобби-Броди „подготовлялъ" для него страшную полосатую „лошадь" въ лицѣ Аттилы. Можетъ быть ему слѣдовало на этотъ разъ оставить въ покоѣ Аттилу и выбрать для Ваньки болѣе уступчиваго тигра. Можетъ быть. Но если-бы человѣку было дано все и вся предвидѣть, не случалось бы на землѣ никогда никакихъ несчастій, никогда никакихъ катастрофъ.

Подготовить своенравнаго Аттилу можно было только лишь такимъ-же образомъ, какимъ подготовилъ Бобби-Броди Цезаря къ прыжку на табуретъ. Звѣрь долженъ почувствовать, что человѣкъ не боится его. Если мозгъ хищника это ясно почувствуетъ — и то и другое обезпечено: торжество человѣка и полное подчиненіе звѣря.

Чего добивался Бобби-Бродди? Чтобы Аттила пересталъ метаться, скалить свою пасть съ бѣлыми усами, замахиваться лапой и простоялъ спокойно какихъ-нибудь двадцать-тридцать секундъ, пока Бобби-Броди, поднявъ карлика, посадитъ его на полосатую желто-черную спину тигра и тотъ сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ вмѣстѣ со своимъ крохотнымъ всадникомъ.

Очевидно Бобби-Броди нѣсколько минутъ тому назадъ отдалъ весь, или почти весь запасъ своей энергіи и волевой силы на борьбу зъ Цезаремъ и на его укрощеніе. И очевидно, послѣ этого для тигра уже не осталось ни волевой силы, ни энергіи, или осталось очень мало, такъ мало, что Аттила сообразилъ: укротитель уже не тотъ, какимъ былъ раньше съ Цезаремъ.

А самое главное — къ собственному ужасу своему это-же самое понялъ и Бобби-Броди и поэтому его не хватило для твердаго рѣшительнаго удара по носу тигра. Ударъ не вышелъ ни настойчивымъ, ни въ необходимой степени болѣзненнымъ. Онъ не испугалъ тигра, не запугалъ вѣрнѣе, а только привелъ въ бѣшенство. Но и это бѣшенство можно было все-таки обуздать, если-бы, собравшись съ духомъ, укротитель повторилъ ударъ съ большимъ успѣхомъ достиженія, чѣмъ въ первый разъ. Но Бобби-Броди не только не повторилъ его, а растерялся, растерялся, забывъ даже про свой револьверъ съ холостыми зарядами, всегда устрашавшій самыхъ злыхъ артистовъ его хищной труппы.

И этой растерянностью и воспользовался Аттила, окончательно убѣдившись въ своемъ

превосходствѣ надъ человѣкомъ — человѣкомъ, много разъ подчинявшимъ его своей волѣ и заставлявшимъ исполнять его то, чего онъ, Аттила, никогда не хотѣлъ исполнять по своему собственному желанію.

И тигръ бросился на человѣка въ огненно-красномъ فракѣ, ударомъ груди сшибъ его съ ногъ и подмялъ подъ себя. Это было сигналомъ къ страшнѣйшей паникѣ. Часть публики, повскакивавъ съ мѣстъ, давя другъ друга, ринулась къ выходу. И въ большинствѣ это были именно тѣ, кто приходилъ сюда каждый вечеръ, подгоняемые жаждою сильныхъ ощущеній. И когда сильныя ощущенія нахлынули въ такомъ объемѣ, какого не ожидалъ никто изъ „любителей", нервы не выдержали и началось поголовное бѣгство.

Не растерялись офицеры, не бросились бѣжать арабы. И тѣ и другіе видѣли въ своей жизни и смерть и кровь. Но ни тѣ, ни другіе ничѣмъ не могли помочь распростертому на пескѣ арены Бобби-Броди.

Многіе, правда, кинулись къ желѣзнымъ прутьямъ гигантской клѣтки, выхватывая револьверы, но пустить ихъ въ ходъ нечего было и думать! Каждая пуля съ одинаковымъ успѣхомъ сразитъ какъ тигра, такъ и лежащаго подъ нимъ укротителя.

Поведеніе всѣхъ остальныхъ звѣрей было угрожающее. Стоило лишь показать примѣръ, — — Аттила показалъ его, — и львы и тигры заметались, рыча, бія хвостомъ и обнажая чудовищную пасть съ громадными острыми клыками...

Еще немного — и вся эта хищная стая, сбившись въ кучу, растерзаетъ несчастнаго Бобби-Броди.

Артисты и слуги не остались безучастными зрителями. Мигомъ появились длинныя желѣзныя и деревянныя палки, и просовывая ихъ, люди начали отгонять звѣрей, а звѣри начали пятиться,

хотя и не охотно и уступая каждый шагъ съ гнѣвнымъ протестомъ . . .

Гораздо труднѣе было отвлечь Аттилу отъ его жертвы. Объятый весь приступомъ кровожаднаго остервенѣнія, онъ уже нѣсколькими ударами лапъ жестоко изранилъ Бобби-Броди и готовился къ самому ужасному, послѣ чего нѣтъ уже никакого спасенія

Широко розомкнувъ свои челюсти, онъ хотѣлъ изгрызть лицо укротителя и, конечно, изгрызъ-бы, если-бы не героическое вмѣшательство карлика.

Весь накопившійся ужасъ былъ такъ непомѣрно великъ, что уже утратилось, переполнилось всякое чувство мѣры и Ванька-Встанька вдругъ вылечился отъ страха. А такъ какъ, къ тому-же, этотъ крохотный человѣкъ былъ существомъ доброты необычной готовый, на все, до самопожертвованія включительно, то Ванька-Встанька, забывъ про себя, рѣшивъ спасать Бобби-Броди.

Онъ выхватилъ у одного изъ акробатовъ желѣзную палку и съ необыкновенной силою, увеличенной въ нѣсколько разъ отчаяніемъ, замолотилъ желѣзомъ по головѣ и по мордѣ тигра и этимъ отвлекъ его вниманіе отъ Бобби-Броди. И вмѣсто того, чтобы вонзить свои зубы въ лицо укротителя, звѣрь, все еще придерживая Бобби-Броди своими лапами, повернулся къ избивавшему его карлику, пораженный дерзостью крохотнаго человѣка .

И вотъ, пока Аттила соображалъ, что ему предпринять, онъ постепенно приподнимался и теперь его голова по крайней мѣрѣ на полметра была выше залитаго кровью, потерявшаго сознаніе Бобби-Броди.

Этимъ воспользовался бывшій въ циркѣ Санъ-Феличе, великолѣпный стрѣлокъ, дважды ѣздившій въ Индію охотиться на тигровъ. На разстояніи пяти-шести шаговъ онъ всадилъ три пули въ голову и морду Аттилы и тотъ свалился,

даже безъ традиціоннаго предсмертнаго прыжка. Выстрѣлы ошеломили всѣхъ остальныхъ звѣрей и, окончательно присмирѣвъ, они отхлынули къ рѣшеткѣ и жались къ ней, царапая и скребя костями желѣзныя прутья.

Этотъ переломъ не былъ упущенъ слугами и артистами и, хлынувъ гурьбой въ клѣтку, они начали загонять звѣрей въ ихъ маленькія подвижныя клѣтки.

Бобби-Броди тотчасъ же оказана была медицинская помощь. Благодаря протекціи герцога Санъ-Феличе его увезли въ военный госпиталь.

Глубокія раны, причиненныя когтями, можно было назвать опасными, но, къ счастью, нельзя было назвать смертельными. Пострадало одно плечо и правая верхняя часть руки.

Врачъ, къ которому попалъ на излеченіе Бобби-Броди, увѣрялъ герцога Санъ-Феличе:

— Пять-шесть недѣль и будетъ здоровехонекъ! Европейскій организмъ не отдѣлался-бы такъ дешево, но эти негры народъ удивительно выносливый и живучій! Да и къ физической боли они мало чувствительны!

Подвигъ Ваньки-Встаньки не прошелъ незамѣченнымъ. Весь городъ зналъ — если-бы не онъ, быть-бы укротителю въ клочки растерзаннымъ.

Окончательнымъ тріумфомъ карлика было присужденіе ему военными властями медали за спасеніе погибающихъ.

12. Наемники.

Али-Ахметъ не раскаялся, что, не послѣдовавъ минутному порыву, оставилъ въ живыхъ Короченцева и Пинедо. Оба они, даже помимо его собственнаго желанія, были ему симпатичны и, кромѣ того, онъ скоро убѣдился въ ихъ несомнѣнной полезности.

Какъ и предполагалось, Пинедо занялся своимъ дѣломъ, Короченцевъ—своимъ. Самъ шейхъ приходилъ смотрѣть на учебный плацъ, какъ Пинедо занимается гимнастикой съ пѣхотинцами и какъ организуетъ Короченцевъ регулярную конницу изъ полудикихъ, чуждыхъ дисциплины и строя наѣздниковъ.

И каждый разъ, вернувшись съ плаца, Али-Ахметъ говорилъ Кнапу:

— Мосье Ридигеръ, я весьма вамъ благодаренъ, что вы тогда удержали меня. Ваши слова: гораздо лучше заставить шпіона служить себѣ, чѣмъ уничтожить его совсѣмъ—золотыя слова!

Въ отвѣтъ Кнапъ улыбался, играя моноклемъ.

Сначала Али-Ахметъ былъ огорченъ бѣгствомъ такъ и не разысканной Дины-Белла, но потомъ ему уже „некогда“ было огорчаться.

Одинъ за другимъ начали прибывать германскіе офицеры-инструкторы. Все бывалый и уже далеко не первый молодости народъ.

До войны они служили въ своихъ колоніяхъ въ Конго и Камерунѣ, а потомъ продѣлали на многихъ фронтахъ всю Великую войну.

И служба въ колоніяхъ и война создала изъ этихъ здоровенныхъ широколицыхъ блондиновъ особый типъ офицера-наемника, офицера-авантюриста.

Для такихъ людей, растерявшихъ всякіе моральные устои сначала въ центральной Африкѣ, потомъ подъ Аррасомъ, Верденомъ, подъ Варшавой и на сербскомъ Дунаѣ, условія обыденной мирной жизни были невыносимы, да и обыденная мирная жизнь, въ свою очередь, не выносила этихъ капитановъ, маіоровъ и полковниковъ.

Вотъ почему съ превеликой радостью и охотой поѣхали они сюда. Они, тамъ у себя, въ Германіи, не только безработные, но и стѣсненные, какъ можетъ быть стѣсненъ ландскнехтъ, въ теченіи многихъ лѣтъ безнаказанно убивавшій и грабившій.

Словъ нѣтъ, они не ѣхали сюда прямо на убійства и грабежи, но и то и другое предвидѣлось въ недалекомъ будущемъ. Затѣмъ они и появились здѣсь, эти ремесленники войны, чтобы своей работою вызвать ее, войну

Кнапъ со свойственной ему любовью къ человѣческимъ документамъ приглядывался къ этому новому для него типу германскаго офицера-наемника. Видя въ немъ своего, офицера нисколько не стѣснялись, съ нимъ, особенно послѣ нѣсколькихъ рюмокъ коньяку, или нѣсколькихъ стакановъ пива, или вина. И то и другое и третье появилось въ изобиліи съ появленіемъ этихъ инструкторовъ съ береговъ Рейна и Шпрее.

Эти люди нужны были шейху и онъ закармливалъ и угощалъ ихъ, устраивая у себя во дворцѣ попойки. Неизмѣнными гостями на этихъ попойкахъ были Герцъ и Кнапъ, первый, потому что это была его родная стихія, второй, потому что это было ему нужно.

Программа этихъ кутежей отличалась однообразіемъ, и менѣе всего — изобрѣтательностью.

Такъ они, эти капитаны и маіоры, лѣтъ пятнадцать назадъ проводили время въ колоніяхъ, а позже въ опустошенныхъ замкахъ сѣверныхъ департаментовъ Франціи и магнатскихъ усадьбахъ Волыни и Польши.

Зычно орали нестройными голосами „Deutschland, Deutschland über alles“, смакуя, разсказывали пошлые непристойные анекдоты, не надоѣвшіе, однако, ни тѣмъ, кто ихъ выслушивалъ въ сотый разъ, ни тѣмъ, кто ихъ разсказывалъ то-же безчисленное количество разъ

Потомъ одинъ изъ этихъ пруссаковъ или баварцевъ исчезалъ на нѣсколько минутъ и возвращался одѣтый балериной, или танцовщицею изъ варьетэ и, съ моноклемъ въ глазу, вскочивъ на столъ, отплясывалъ среди бутылокъ нескромный канканъ. Публика ревѣла отъ удовольствія, и аплодируя, кричала „hoch“. Какъ образчикъ колоніальныхъ развлеченій далекаго минувшаго мы приведемъ повѣствованіе плечистаго грудастаго полковника фонъ-Визеля, этимъ повѣствованіемъ однажды угостившаго сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Кнапа.

— Herr Ридигеръ, вы понимаете? Конго! Дьявольская глушь, на границѣ бельгійскаго Конго. Другіе подохли-бы отъ скуки, другіе, только не мы! О, мы, нѣмцы, умѣемъ развлекаться при какихъ угодно условіяхъ! Понимаете, такъ. О, это бывало, чортъ возьми, колоссально! Я, например, изобрѣлъ стрѣльбу изъ лука. Потомъ во всей арміи это называлось стрѣльбою по системѣ ротмистра фонъ-Визеля. Я тогда еще былъ въ чинѣ ротмистра Его Величества. Да, было времячко! — закатывалъ уже полу-пьяные глаза полковникъ фонъ-Визель.

— Какая же это система?

— А я вамъ сейчасъ объясню! Тамъ ихъ было до безобразія много туземцевъ, этихъ черныхъ обезьянъ. Ну, вотъ, мы ихъ ставили въ рядъ, не привязывали къ дереву, замѣтьте, а ставили. Привязывать — это уже не то!.. Нѣтъ, увѣряю васъ это было колоссально! На груди у каждаго изъ этихъ дикарей наши солдаты рисовали жирными бѣлилами нѣсколько концентрическихъ круговъ съ точкою посрединѣ.

— И такимъ образомъ получалась живая мишень, не такъ ли? — догадывался Кнапъ, не безъ труда маскируя свое отвращеніе.

— Вотъ, вотъ! Совершенно вѣрно! Это дѣлаетъ честь вашей сообразительности. Мы, офицеры, брали по одному туземному луку и по нѣсколько стрѣлъ. Ни одно изъ такихъ состязаній не обходилось безъ пари. Держали пари и сами стрѣлки, держали за нихъ не принимавшіе участія зрители. Въ концѣ концовъ, мы такъ набили себѣ руку и наметали глазъ, что на разстояніи сотни шаговъ изъ десяти стрѣлъ семь попадало въ бѣлую центральную точку. Обыкновенно рисовалась она тамъ, гдѣ у цивилизованнаго человѣка находится сердце. Какъ вамъ угодно, семьдесятъ процентовъ попаданій, это . . это . . и для винтовки завидный процентъ! . .

Иногда въ этихъ забавахъ принимали участіе и наши гарнизонныя дамы. Я пустилъ это въ моду и съ легкой руки ротмистра фонъ-Визеля эти, ха, ха, развлеченія привились мало по малу по всѣмъ нашимъ колоніальнымъ стоянкамъ, — весело, самодовольно подмигивая, сказалъ полковникъ фонъ-Визель, ища сочувствія у своего сосѣда.

Кнапъ сдерживалъ свое негодованіе, боясь какой-либо необдуманной рѣзкостью выдать себя.

Вѣдь въ глазахъ этого нѣмца онъ—коммунистъ, привыкшій къ болѣе жестокимъ развлеченіямъ, нежели стрѣльба изъ лука по чернокожимъ туземцамъ Камеруна и Конго. Коммунистъ, во первыхъ, а во вторыхъ, — это логически вытекаетъ — другъ нѣмцевъ и всего нѣмецкаго. И кромѣ того, они связаны, или почти связаны здѣсь однимъ общимъ дѣломъ.

А, разъ такъ, самое большее, что могъ себѣ позволить Кнапъ — это развѣ только не восхищаться геніальной изобрѣтательностью полковника фонъ-Визеля. Только не восхищаться! Негодовать-же, или хотя-бы отнестись критически, — не дай Богъ, ни въ какомъ случаѣ!

На единственное отважился Кнапъ, это робко, полувопросительно, полушутя возразить:

— И вамъ не было, господинъ полковникъ, жаль этихъ... жаль этихъ туземцевъ?

— Ха, ха, вотъ выдумали! Какія сантиментальности! Доннеръ-веттеръ, вѣдь это-же не люди! У нихъ, вмѣсто души — паръ и совсѣмъ нѣтъ сердца. По моему глубокому убѣжденію всѣ эти африканскіе негритосы не болѣе, какъ обезьяны, эволюціоннымъ путемъ достигшіе того, что они появляются на свѣтъ безъ волосъ и пріобрѣтаютъ даръ слова. Между нами говоря, милый Ридигеръ, — наклонился къ собесѣднику фонъ-Визель, обдавая его запахомъ алкоголя — между нами говоря, я не высокаго мнѣнія и о здѣшнихъ туземцахъ. Конечно, они двумя - тремя ступенями выше, но по сравненію съ такой расой, какъ мы, нѣмцы, по сравненію съ нами, развѣ это люди?..

Кнапъ въ свою очередь наклонился къ уху полковника фонъ-Визеля:

— Такъ что, если-бы можно было перенести на эту почву, господинъ полковникъ, ваши, ну, какъ-бы ихъ назвать, шалости со стрѣльбою изъ лука по живымъ мишенямъ, вы-бы ничего не имѣли противъ?

— Рѣшительно ничего, рѣшительно ничего, милый шутникъ, обладающій игривымъ умомъ! — съ громкимъ смѣхомъ воскликнулъ фонъ-Визель и весьма фамильярно хлопнулъ по плечу Кнапа.

Это покоробило знаменитаго сыщика, но опять-таки выразить неудовольствіе, отодвинуться нельзя было. Онъ остался сидѣть и слушать скабрезные анекдоты, послѣдовавшіе за подробнымъ описаніемъ африканскихъ пикниковъ съ туземцами, которыхъ сгоняли на кровавую потѣху господъ лейтенантовъ и оберстовъ.

Кнапъ думалъ;

— И это самовлюбленное животное кичится собою и своей германской культурой! Внѣшне

такъ, пожалуй, культуренъ, словъ нѣтъ, но душа у него — душа тевтонскаго варвара. И еще большой вопросъ — кто умнѣе, тоньше, благороднѣе, этотъ-ли вылощенный фонъ-Визель, или тѣ арабы, которыхъ онъ такъ свысока презираетъ и по которымъ съ удовольствіемъ поупражнялся бы въ стрѣльбѣ изъ лука, если-бы это можно было продѣлать безнаказанно.

На этой почвѣ, на почвѣ грубаго отношенія офицеровъ германской военной миссіи къ арабамъ-солдатамъ и произошелъ трагическій эпизодъ, едва не кончившійся отъѣздомъ всей миссіи.

Во время ученія маіоръ Шульцъ, обозленный непонятливостью молодого араба, недолго думая, тряхнувъ своими колоніальными привычками, хватилъ араба кулакомъ въ лицо. У мусульманъ считается ужаснымъ оскорбленіемъ не только ударъ по лицу, но и прикосновеніе чужой руки, особенно, если это рука гяура (невѣрнаго).

За годъ передъ великой войной такой-же случай произошелъ въ Константинополѣ. Германскій инструкторъ, желая внушить солдату-албанцу надлежащую воинскую выправку, схватилъ его за лицо и дернулъ. Это стоило ему жизни. Албанецъ воткнулъ штыкъ своей винтовки въ животъ смертельно оскорбившаго его нѣмца. Правда, солдатъ былъ повѣшенъ на другой-же день, но это не воскресило германскаго инструктора, а всѣ остальные офицеры военной миссіи больше не рисковали касаться руками физіономій турецкихъ солдатъ.

Триполитанскій эпизодъ напомнилъ константинопольскій, — вся разница лишь въ несущественныхъ деталяхъ, не мѣняющихъ дѣла.

Арабъ пустилъ въ дѣйствіе не штыкъ, а ножъ и былъ не повѣшенъ, какъ албанецъ, а обезглавленъ. Вся миссія, возмущенная гибелью Шульца, грозила шейху отъѣздомъ и требовала, чтобы онъ обезпечилъ осиротѣвшую въ Берлинѣ семью прусскаго маіора.

Ко всему этому „Демонъ пустыни“ отнесся не только сдержанно, а прямо-таки съ большимъ достоинствомъ.

— Вы видите, господа, что виновный уже понесъ кару. Онъ жизнью заплатилъ за жизнь, отнятую имъ у члена вашей миссіи. Большаго я не могъ сдѣлать. Что касается супруги и сиротъ маіора Шульца, я охотно имъ помогу. Что-же касается вашихъ угрозъ покинуть предѣлы моей страны, контрактъ еще не подписанъ и вы можете использовать вашу свободу, какъ вамъ угодно. Не будетъ васъ — будутъ другіе.

Этотъ граничащій съ высокомѣріемъ отвѣтъ посбавилъ спѣсь у нѣмцевъ и, посовѣщавшись для виду, они объявили шейху, что остаются. Еще-бы не остались! Жилось имъ припѣваючи, какъ никому не снилось за послѣдніе годы въ разоренной, обѣднѣвшей Германіи. Жалованье выплачивалось золотомъ, новенькимъ звонкимъ золотомъ, давнымъ давно исчезнувшимъ даже съ витринъ мѣняльныхъ лавокъ Берлина.

Али-Ахметъ, довольный своей дипломатической побѣдою, эту побѣду углубилъ и расширилъ, сказавъ нѣмцамъ уже въ видѣ что ни на есть нравоученія.

— Господа, это печальное происшествіе да послужитъ вамъ навсегда урокомъ, за который дорого пришлось заплатить. Нравы и обычаи каждой страны должны быть свято чтимы. Для насъ, мусульманъ, нѣтъ горшей обиды, нѣтъ болѣе смертельнаго оскорбленія, какъ ударъ по лицу. Я, духовный глава и вождь племени, я никогда не ударилъ по лицу никого изъ своихъ подданныхъ. Приходилось убивать, но ударить никогда .

13. Немного фантазіи — и цѣль достигнута.

Кнапъ, всесторонне обсудилъ свое положеніе и свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Засиживаться ему у Али-Ахмета не только не было никакого смысла, а, наоборотъ, дальнѣйшее пребываніе могло повлечь за собою для него самыя фатальныя неожиданности.

Онъ ясно ставилъ себѣ вопросы и такъ-же ясно давалъ на нихъ отвѣты.

Цѣль его путешествія въ ставку Али-Ахмета? — Двоякая,—и главная и второстепенная. Главная: — извлечь отсюда Герца и отдать его въ руки властей той страны, въ предѣлахъ которой онъ совершилъ наибольшее количество преступленій.

Еще въ Триполи къ этой главной, основной цѣли присоединилось второстепенная. Желанье спасти и вернуть отцу и любящему человѣку Дину-Белла. Уже на мѣстѣ выросли еще двѣ второстепенныя цѣли. Одна — вмѣстѣ съ Герцомъ прихватить за компанію и Кастаньяро. Каторжная тюрьма давно стосковалась по немъ. А затѣмъ, затѣмъ, сдѣлать все возможное для освобожденія Короченцева и Пинедо.

Событія, то развертываясь, то спутываясь въ клубокъ, дали примѣрно слѣдующее.

Одна изъ второстепенныхъ цѣлей — отпадаетъ. Дина-Белла исчезла. Гдѣ она въ данное время, что съ нею — никто не зналъ. Даже Али-Ахметъ, имѣвшій повсюду своихъ людей и объявившій награду за какія-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія касательно сбѣжавшей плѣнницы.

Черезъ двоихъ агентовъ своихъ поддерживавшій тѣсную связь съ Триполи, Кнапъ зналъ, что Дина-Беллы нѣтъ въ городѣ. Слѣдовательно, вернуться въ Триполи ей не удалось. А, разъ такъ, оставаться здѣсь исключительно ради нея было-бы непростительнымъ по отношенію къ такой драгоцѣнной вещи, какъ время.

Остаются — Короченцевъ и Пинедо.

Взять ихъ съ собою открыто, съ разрѣшенія Али-Ахмета, — нечего и думать. Онъ ихъ не отпуститъ ни за что на свѣтѣ! Похитить ихъ или устроить имъ побѣгъ тоже нечего и думать! Сотни глазъ ревниво стерегутъ каждый ихъ шагъ, малѣйшее движенье! Стерегутъ, какъ во время занятій съ солдатами пѣшими и конными, такъ и въ остальные часы, проводимые легіонерами подъ замкомъ въ тюрьмѣ.

Конечно, Кнапъ не забудетъ про нихъ: Слишкомъ они хорошіе люди, чтобы можно было ихъ забыть, но содѣйствовать имъ сейчасъ онъ не можетъ ничѣмъ и никакъ.

Тамъ, въ Триполи, онъ посовѣтуется съ герцогомъ Санъ-Феличе и можно будетъ что-нибудь выдумать. Самое лучшее—захватить въ плѣнъ парочку болѣе или менѣе знатныхъ арабовъ и вымѣнять на обоихъ легіонеровъ. На подобную комбинацію Али-Ахметъ несомнѣнно пойдетъ . . .

Въ такомъ духѣ и высказался Кнапъ, посѣтивъ Пинедо и Короченцева, — онъ могъ посѣщать ихъ въ любое время.

— Вы понимаете, друзья мои, при всей моей симпатіи къ вамъ я въ данномъ случаѣ на рѣдкость безпомощенъ.

Надѣюсь, вы вѣрите въ мою искренность?

— Странный вопросъ! Вопросъ въ устахъ человѣка, благодаря которому наши головы остались у насъ на плечахъ? — воскликнули разомъ оба плѣнника.

— Ну вотъ, значитъ вы мнѣ вѣрите! Это самое главное.

А разъ такъ, вѣрьте мнѣ, я сдѣлаю все, чтобы вырвать васъ отсюда. Я уже сказалъ,— самое лучшее, обмѣнять васъ. Если-же въ Триполи нѣтъ соотвѣтствующей парочки, — я не сомнѣваюсь, герцогъ добудетъ ее. Тѣмъ болѣе—его нравственный долгъ позаботиться объ васъ. Онъ-же бросилъ васъ въ эту авантюру, а онъ — и это вы знаете лучше меня — джентльмэнъ и рыцарь съ головы до ногъ. Нѣтъ, за васъ я спокоенъ, а вотъ самаму надо уносить ноги по добру по здрову . . А чтобы не было скучно — взять съ собою Герца и Кастаньяро.

— Пойдутъ ли они за вами? — усумнился Короченцевъ.

— Шансы есть. На такихъ какъ они, можно дѣйствовать однимъ лишь животнымъ страхомъ.

Ему они подчиняются, его голосу повинуются. Въ Кастаньяро я не сомнѣваюсь. Во-первыхъ, онъ глупъ, во-вторыхъ, его положеніе здѣсь стало болѣе чѣмъ шаткимъ. Али-Ахметъ презираетъ его и ненавидитъ, ненавидитъ за эту дѣвушку. Стоитъ мнѣ припугнуть Кастаньяро и онъ пойдетъ за мною слѣдомъ. Труднѣе будетъ съ Герцомъ, но и Герцъ уязвимъ. У меня есть уже планъ. Мнѣ онъ кажется убѣдительнымъ. Интересно провѣрить впечатлѣніе на чужихъ людяхъ. Вы мнѣ скажите ваше мнѣніе. Обоимъ этимъ негодяямъ будетъ нарисована мною такая перспектива: по моимъ свѣдѣніямъ, — и они знаютъ, что я получаю оттуда свѣдѣнія — Муссолини рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ Али-Ахметомъ.

Поэтому въ Триполи спѣшно стягиваются крупныя войска въ мощномъ вооруженіи послѣдняго слова техники. Однимъ короткимъ стремительнымъ ударомъ итальянское командованіе покончитъ съ живою силою Али-Ахмета и . . .

— Въ самомъ дѣлѣ готовится такое наступленіе? — перебилъ, воодушевляясь, Пинедо.

— Нѣтъ же! Ничего подобнаго! Это я все выдумалъ, что-бы запугать Герца и Кастаньяро. Я имъ скажу: Вамъ остается выбирать одно изъ двухъ: или-же немедленно, пока не поздно, ѣхать со мной, или, оставшись здѣсь погибнуть. Итальянцы никого пощадятъ. Особенно жестока будетъ расправа ихъ съ бѣлыми, которые помогаютъ Али-Ахмету. А вы догадываетесь что значитъ для васъ обоихъ съ вашей репутаціей очутиться въ рукахъ полевой жандармеріи? Судъ на мѣстѣ и висѣлица! Я имъ такъ и скажу. Преступники, даже такіе, какъ Герцъ, терпѣть не могутъ, когда имъ напоминаютъ о веревкѣ. Вамъ, господа, я все это набросалъ эскизно, ихъ-же возьму въ оборотъ, какъ слѣдуетъ! И посмотрю, какіе это дастъ результаты. А теперь ваше мнѣніе, Короченцевъ? Можно разсчитывать на психологическое воздѣйствіе?

— Вполнѣ! Это какъ разъ бьетъ по шкурнической психикѣ! Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, подъ однимъ, однако, условіемъ

— Какимъ?

— Чтобы Герцъ повѣрилъ, что наступленіе дѣйствительно готовится. Если онъ повѣритъ — дѣло въ шляпѣ .

— Вы правы. Мною будетъ пущено въ ходъ все, чтобы онъ повѣрилъ.

Въ этотъ-же день Кнапъ началъ съ болѣе легкаго. Съ Кастаньяро.

Здѣсь почва была уже готова. Послѣднее время татуированный человѣкъ замѣтно пріунылъ и не зналъ куда дѣвать и себя и свое грузное тѣло . . .

Нѣсколько разъ пытался онъ броситься на колѣни передъ шейхомъ и убѣдить его въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, но ничего изъ этихъ попытокъ не выходило. Въ концѣ концовъ

шейхъ „пересталъ замѣчать“ Кастаньяро. Онъ даже не давалъ себѣ труда выказывать ему свое презрѣнье.

Это было самое ужасное.

Кастаньяро понялъ, даже онъ при всей своей недалекости понялъ, что его экзотическая карьера кончена и уже никогда не бывать ему экзотическимъ фельдмаршаломъ при особѣ того, кто надѣется со временемъ стать калифомъ „цвѣтной африканской имперіи“.

А все эта дѣвчонка, будь она проклята! Не замѣшайся Дина-Белла, все тихо и гладко шло-бы .

И какой чортъ и какая нелегкая подшепнули ему ввязаться во всю эту дурацкую исторію съ похищеніемъ?

Таковы были скорбныя думы неудавшагося фельдмаршала, — то-ли дѣло мексиканскіе генералы: имъ все удается! — когда худенькій миніатюрный Кнапъ взялъ въ обработку это тяжелое гороподобное чудовище.

— Что, Кастаньяро? Вы, какъ я вижу, упали духомъ? Нехорошо, нехорошо!

— Это вамъ легко говорить, синьоръ — фыркнулъ атлетъ, какъ фыркаетъ въ зарасляхъ дикій кабанъ. — А побыли вы хоть немного въ моей шкурѣ? . .

— Гм, я весьма сочувствую вамъ, но отъ подобныхъ перевоплощеній— слуга покорный. Останемся какъ были до сихъ поръ. Вы, — Кастаньяро, я же собою—Ридигеромъ.

— Вамъ смѣшно! — опять фыркнулъ атлетъ, опять напомнивъ этимъ фырканьемъ дикаго кабана или пещернаго человѣка.

— Нисколько не смѣшно! Да не до смѣху! Кастаньяро, не до смѣху! Когда подумаешь о томъ, что васъ здѣсь ожидаетъ, право плакать хочется .

— Ахъ, и вы такъ думаете?

— И я? Значитъ и вы уже „такъ“ думали? А разъ мы вдвоемъ такъ думаемъ, слѣдовательно есть полное основаніе опасаться. Я вовсе не утверждаю, что вамъ свяжутъ за спиною руки и публично отрубятъ голову. Зачѣмъ, когда есть менѣе рекламные способы отдѣлаться отъ человѣка, который надоѣлъ, нежелателенъ, или-же является, соперникомъ Ахъ, это вѣчное „cherchez la femme“.

Балагуря такъ, играя моноклемъ, Кнапъ наблюдалъ за Кастаньяро и результатъ своихъ наблюденій мысленно подчеркивалъ съ большимъ удовольствіемъ.

Какой трусливый человѣчекъ обитаетъ въ немъ, въ этой глыбѣ костей, мускуловъ и мяса. На какую угодно подлость готовъ, только-бы спасти жизнь, только бы эта гора костей, мяса мускуловъ долго еще могла вытѣснять собою изрядное количество воздуха и слоняться сколько влѣзетъ по бѣлу свѣту.

Жалокъ и противенъ былъ Кастаньяро. Но именно такимъ онъ былъ желателенъ Кнапу.

И Кнапъ съ равнодушнѣйшимъ ко всему, безпечнымъ выраженіемъ костистаго, подвижнаго лица произнесъ, словно самъ съ собою разговаривая:

— А я на дняхъ уѣзжаю въ Европу.

— Какъ такъ? — изумился атлетъ. — Не успѣли пріѣхать и уже . . .

— Кастаньяро, вы умѣете держать языкъ за зубами? . .

— О, конечно! Я нѣмъ, какъ рыба и даже какъ могила, если дѣло касается моихъ собственныхъ интересовъ, — добавилъ Кастаньяро съ наивнымъ цинизмомъ.

— Я думаю — молчать, это какъ разъ въ вашихъ личныхъ интересахъ. Если Али-Ахметъ узнаетъ, что итальянцы уже готовы къ большому

наступленію и разгромъ шейха неминуемъ—всѣмъ намъ, бѣлымъ, не уйти отсюда. Али-Ахметъ, вообще, ненавидитъ европейцевъ, но вы можете представить себѣ его бѣшенство, когда онъ узнаетъ, что Муссолини готовъ покончить съ нимъ въ два счета? . Горе всѣмъ намъ и первому изъ насъ — вамъ, Кастаньяро!

Король желѣза, схватившись за голову, готовъ былъ захныкать. Онъ былъ до отвратительнаго безпомощенъ.

А Кнапъ, выдерживая, какъ говорится „фасонъ", не шелъ на встрѣчу со своими услугами, а ждалъ, чтобы этотъ, обросшій густой бородою варваръ, умолялъ его.

И небрежно поигравъ моноклемъ, Кнапъ съ такой-же очаровательной небрежностью, уронилъ:

— Такъ-съ, милый мой . . . такъ-съ, когда итальянскій корпусъ желѣзнымъ кольцомъ охватитъ лагерь „Демона пустыни", я буду уже далеко! И изъ этого прекраснаго далека посочувствую вамъ .

— Вмѣсто того, чтобы сочувствовать издалека, лучше возьмите меня съ собой! — какимъ-то воплемъ отчаянія вырвалось у Кастаньяро.

— Взять васъ съ собой! А вы думаете, это легко? — прищурился Кнапъ. — Словъ нѣтъ, я не сомнѣваюсь, что шейхъ, ничего не подозрѣвая о наступленіи, разрѣшитъ вамъ ѣхать со мною. А дальше? Что я буду дѣлать съ человѣкомъ, у котораго нелады съ полиціей и правосудіемъ?

— Какъ-нибудь провезете, — настаивалъ перетрусливый Кастаньяро.

— Гм, какъ-нибудь? Не скажу, что-бы это „какъ-нибудь" являло собою пустякъ . .

— Синьоръ Ридигеръ, вы все можете! Вы такой замѣчательный, такой умный человѣкъ!...

— Благодарю за такое лестное мнѣніе о моей, столь скромной особѣ! Я, вообще, не изба-

лованъ комплиментами, и вотъ, слава Богу, нашелся человѣкъ, не поскупившійся на таковые. Кастаньяро, ну и лукавая-же вы бестія! Вы отыскали мое уязвимое мѣсто и теперь, хочешь не хочешь, я долженъ что-нибудь для васъ скомбинировать. Ахъ, зачѣмъ въ этой Италіи полиція на такой высотѣ? О, будь она чуточку на меньшей высотѣ! Хотя . . вы такъ мнѣ вскружили голову своими комплиментами, я готовъ потягаться съ ними и попытаться наклеить имъ носъ. Мы сфабрикуемъ вамъ здѣсь паспортъ на имя какого-нибудь Мустафы, и вы будете сопровождать меня въ качествѣ моего слуги. Только бы васъ провезти черезъ итальянскую территорію, а тамъ, глядишь, придумаемъ какой-нибудь новый паспортъ, съ новымъ уже христіанскимъ именемъ...

— Синьоръ, я буду вашимъ вѣчнымъ, неоплатнымъ должникомъ! Мои мускулы всегда будутъ къ вашимъ услугамъ, чтобы по первому мановенію вашему кому угодно переломать ребра и свернуть шею. Мои зубы тоже къ вашимъ услугамъ: кого только прикажете, схвачу мертвой хваткой и загрызу!

— Богъ-ты мой, какіе ужасы! Нѣтъ, зачѣмъже? Пусть ваши мускулы и ваши зубы останутся при васъ. Вы можете ихъ использовать гораздо лучше гдѣ-нибудь на аренѣ, если вздумаете вновь украсить свою голову вѣнцомъ „короля желѣза“. Итакъ, по рукамъ. Но помните же — никто, а тѣмъ паче Али-Ахметъ не долженъ знать о близости наступленія, иначе вы погубите себя наиглупѣйшимъ образомъ! . . .

— Что вы, что вы, синьоръ, да я скорѣе откушу себѣ языкъ, откушу и выплюну! Честное слово! . . .

— Этого ни въ коемъ случаѣ не дѣлайте! — съ наисерьезнѣйшей миною молвилъ Кнапъ. — Во-первыхъ, еще Талейранъ, великій дипломатъ, сказалъ: „Намъ данъ языкъ, чтобы скрывать

свои мысли“. Не угодно-ли? Разъ вы откусите языкъ, вы не сможете тогда скрывать своихъ мыслей. Ну, а затѣмъ, затѣмъ онъ помогаетъ въ ѣдѣ, и вы, кажется, отъ самой природы не обижены хорошимъ аппетитомъ? Такъ-то, милѣйшій, такъ! — пришелъ въ отличное настроеніе Кнапъ, во-первыхъ, потому, что этотъ убійца сидѣлъ уже у него въ карманѣ, а, во-вторыхъ, потому, что глупость Кастаньяро забавляла сыщика.

Кастаньяро съ такой тупостою пялилъ на него свои глаза, и самъ не могъ рѣшить—всерьезъ говорилъ этотъ Ридигеръ объ откушенномъ и выплюнутомъ языкѣ, или въ шутку?

Думалъ, думалъ, но такъ и не додумался...

14. Глава безъ названія.

Обработка Герца носила болѣе тонкій, по выраженію Кнапа, болѣе чеканный, ювелирный характеръ. Съ нимъ Кнапъ началъ съ другого. Началъ, совѣщаясь, какъ равный съ равнымъ, какъ заговорщикъ съ заговорщикомъ. Герцъ заглянулъ къ Ридигеру. Мрачнѣе тучи сидѣлъ Ридигеръ, выпуская густые клубы сигарнаго дыму и напряженно глядя въ одну точку.

— Ридигеръ, я не узнаю васъ! Что такое? Гдѣ ваша обычная жизнерадостность?

Кнапъ молча свирѣпо откусилъ кончикъ сигары, метнулъ въ Герца недовольный взглядъ и ничего не отвѣтилъ.

— Скажите, что васъ гнететъ? — не унимался Герцъ. — Вы получили дурныя вѣсти?

Кнапъ рѣзкимъ движеніемъ раздавилъ свою сигару о донышко пепельницы.

— Если-бы только дурныя вѣсти? Отвратительныя, катастрофическія! Все, что мы дѣлаемъ, собираемся дѣлать — все къ чорту! Все на смарку! А главное, боюсь! Если мы съ вами не спохватимся во-время, мы будемъ уже не свидѣтелями, а участниками, той сцены, помните, когда я спасъ этихъ двухъ балбесовъ! Увы, насъ уже никто не спасетъ. Хорошо, если еще разстрѣляютъ, или снесутъ головы, — ну, а если повѣсятъ? Брр... Искоса Кнапъ слѣдилъ за впечатлѣніемъ отъ своихъ предсказаній. Герцъ, ежась, мѣняясь въ лицѣ, спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Въ чемъ-же дѣло? Къ чему-же эти загадки? Не мучьте меня

— Ладно, такъ и быть, посвящу васъ. — Кнапъ поднялся съ дивана, обошелъ всю комнату, пріоткрылъ одну дверь, другую, обѣ плотно закрылъ и, вернувшись вплотную сѣлъ съ Герцомъ.

— Слушайте, Герцъ, я могъ-бы уѣхать одинъ и оставить васъ на растерзаніе, какъ и всѣхъ этихъ тупоголовыхъ нѣмцевъ. Но нѣмцы — дьяволъ ихъ возьми. А насъ обоихъ связываетъ каммунистическая клятва и во имя этой клятвы... Ну, словомъ, дѣло дрянь! Хуже нельзя!.. Черезъ какихъ-нибудь, самое большее десять дней, итальянцы бросятъ сюда громадный колоніальный корпусъ. Громадный!

— Что вы говорите?

— Говорю то, что есть! Они больше знаютъ, чѣмъ мы думали и, зная, какая здѣсь идетъ лихорадочная организаціонная работа, рѣшили все смести, все уничтожить, Въ качествѣ авангарда они бросятъ эскадрилью изъ ста пятидесяти аэроплановъ, вооруженныхъ бомбами чудовищно-разрушительной силы. Эта воздушная конница отрѣжетъ и похоронитъ всякое бѣгство туда дальше, вглубь пустыни. Все погибнетъ! И — это самое главное — погибнемъ, дружище, и мы съ вами. Спасенія нѣтъ. Либо эти страшныя бомбы превратятъ насъ въ лохмотья, человѣческія лохмотья, либо насъ захватятъ господа итальянцы... Трудно сказать, что хуже. Не такъ-ли?

— Да, это... это... Я не нахожу словъ, — терялся, блѣднѣя Герцъ. — Не ошибаетесь-ли вы? Вѣрно-ли вы информированы?

— Герцъ, я только потому не сержусь на васъ, что вы, какъ утопающій, хватаетесь за соломинку! Свѣдѣніями снабдилъ меня первый источникъ, и какой первый источникъ! Герцъ, у васъ репутація сильнаго смѣлаго человѣка. Я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами, а вы теряете голову. Возьмите себя въ руки, встряхнитесь!

— Я... Ничего... Я встряхрусь. Но вы пониммете.. все это такъ такъ... неожиданно.

Кнапъ смотрѣлъ, слушалъ и думалъ:

— Такъ вотъ каковъ ты, холодный, жестокій убійца! Гдѣ твоя выдержка? Гдѣ твои нервы? Твоя спокойная сообразительность? Или тебя ошеломила огромность всей этой „безликой" опасности и въ борьбѣ одинъ на одинъ съ человѣкомъ, опредѣленнымъ человѣкомъ, ты тверже, смѣлѣе, изворотливѣе?

А вслухъ Кнапъ сказалъ:

— Успокоились? Будьтеже мужчиной! И давайте держать совѣтъ. Дорогъ каждый часъ.

Герцъ сдѣлалъ усиліе надъ собою. Неудобно въ самомъ дѣлѣ распускаться. И передъ кѣмъ еще? Передъ такимъ коммунистическихъ олимпійцемъ, какъ этотъ Ридигеръ.

А этотъ „коммунистическій олимпіецъ" убѣждался: ему и съ Герцомъ повезло. Онъ уже былъ готовъ къ тому, что Герцъ встрѣтитъ съ недовѣріемъ вѣсть, о задуманномъ итальянцами наступленіе, будетъ сомнѣваться, допытываться... А между тѣмъ тѣмъ, ничего подобнаго! Повѣрилъ, повѣрилъ слѣпо безъ разсужденія и критики. И самъ онъ и его воля и мозгъ попали подъ прессъ, имя имя котораго паническій страхъ.

Да, Кнапъ не ошибся въ своемъ выводѣ. Герцъ принадлежалъ къ числу преступниковъ, не боящихся людей, но боящихся событій, неотвратимыхъ, исключающихъ борьбѣ съ ними коварства, дерзости, изворотливости, хитрости.

И дѣйствительно, Герцъ, хладнокровно убивавшій, и такъ-же хладнокровно ускользавшій отъ полицейскихъ стальныхъ браслетовъ и одиночныхъ камеръ, что онъ могъ выдумать противъ ста пятидесяти аэроплановъ, которыми напугалъ его Ридигеръ и которые въ нѣсколько

минутъ могутъ превратить и городъ и населеніе его и гарнизонъ въ груды обломковъ и въ кладбище растерзанныхъ, окровавленныхъ тѣлъ.

И у Герца вырвалось:

— Никакъ не ожидалъ! Никакъ!.. Хотя... этотъ Муссолини... это какая-то дьявольская энергія! Онъ готовъ завоевать весь міръ и, разумѣется, не нашему Али-Ахмету тягаться съ нимъ...

Но, Ридигеръ, какое намъ дѣло до ихъ борьбы, до личныхъ счетовъ между римскимъ диктаторомъ и „Демономъ пустыни"? Пусть они свернутъ другъ другу шею, это мнѣ въ высокой степени безразлично! Мнѣ очень пріятно находиться на кораблѣ, пока тамъ комфортъ и всѣ блага, но если корабль начинаетъ тонуть, — я бѣгу первый! Такъ и въ данномъ случаѣ..

— Герцъ, вы прямо восхитительны! — полуискренно, полушутя умилялся Кнапъ. — „Я бѣгу первый" — сколько въ этомъ неотразимой логики. Въ двухъ словахъ рѣшено вами все наше преглупое и предосадное положеніе. Въ двухъ словахъ — выходъ! Итакъ, унесемъ по добру, по здорову наши головы, да и за компанію прихватимъ и Кастаньяро, это пещерное чудовище.

— Но, какъ это сдѣлать?

— Что?

— Какъ намъ выбраться отсюда, не возбуждая подозрѣніе Али-Ахмета?

— А вотъ какъ: Я ему скажу, что меня и васъ спѣшно вызываютъ въ Европу для совѣщанія относительно содѣйствія ему, Али-Ахмету, въ самомъ широкомъ, грандіозномъ масштабѣ.

— Ридигеръ, да вы геній!

— Ну, какой тамъ геній! — скромно уклонился Кнапъ отъ льстиваго комплимента. — Ничего геніальнаго, а только здраво учелъ порядокъ вещей. Али-Ахметъ безумно честолюбивъ и такъ-же безумно жаждетъ власти. А безъ нашей помощи, — онъ мнѣ вѣритъ, — ему ничего не сдѣлать. Вы что-то хотите сказать?

— Да! Я хочу сказать допустимъ, намъ удастся уѣхать безпрепятственно, а дальше какъ же? Стоитъ мнѣ очутиться въ Европѣ, вся международная полицiя начнетъ меня травить по горячимъ слѣдамъ. Въ послѣднiй разъ мнѣ едва-едва удалось ускользнуть изъ цѣпкихъ когтей этого мерзавца Кнапа. Единственный серьезный противникъ, ставшiй на моей дорогѣ за послѣднiе годы. Ловкiй сыщикъ, настолько ловкiй, — попробуйте найти его фотографическiй снимокъ? Пытались сфотографировать его и ничего не выходило.

Герцъ не смотрѣлъ на Кнапа, а смотрѣлъ куда то мимо, иначе онъ увидѣлъ-бы, что Кнапу не по себѣ и тотъ употребляетъ нечеловѣческiя усилiя, дабы остановить игру лицевыхъ мускуловъ и придать глазамъ спокойное, безучастное выраженiе.

Кнапъ уже настолько овладѣлъ собою, — явилось чисто спортивное желанье пройти по узенькой жердочкѣ, переброшенной, если и не черезъ бездну, то, во всякомъ случаѣ, черезъ глубокую яму,

— Такъ что вы никогда не видѣли Кнапа?

— Никогда. Къ сожалѣнью-ли это, къ счастью-ли — не знаю, но только — никогда!

— А хотѣли-бы встрѣтиться?

— Хотѣлъ бы! но, конечно, при шансахъ въ мою пользу. Этакъ на узенькой дорожкѣ лицомъ къ лицу и... — Герцъ не кончилъ, но его правильныя черты исказились такой жестокостью, такой непримиримой злобою — это было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Помолчавъ, выпустивъ колечко сигарнаго дыма, Кнапъ, глядя куда-то въ сторону, сказалъ:

— Что-жъ, можетъ быть когда-нибудь и встрѣтитесь .

Мiръ, въ концѣ концовъ, такъ малъ и тѣсенъ, въ особенности же для двухъ такихъ элементовъ, какъ тѣ, которые стоятъ на стражѣ законовъ и

тѣ, которые отъ соблюденія законовъ всячески уклоняются... Но будетъ разговоровъ — скорѣй къ дѣйствію! Я сейчасъ займусь околпачиваніемъ Али-Ахмета.

— Вотъ, вотъ околпачьте его — обрадовался Герцъ. — Да, — спохватился онъ. — Мы все-таки не рѣшили вопроса, для меня весьма существеннаго. Гарантируете-ли вы вы мнѣ хотя-бы относительную неприкосновенность?

— О, да! Я сдѣлаю все возможное, чтобы васъ трудно было расшифровать. Я забронирую васъ внушающимъ довѣріе паспортомъ, а сами себя вы забронируете легкимъ, но мѣняющимъ внѣшность гримомъ

Отъѣздъ и все дальнѣйшее.

Съ Али-Ахметомъ пришлось нѣсколько труднѣе. Его нельзя было запугивать, какъ запугалъ Кнапъ Герца и Кастаньяро.

Съ первыхъ-же словъ Кнапа „Демонъ пустыни" выразилъ неудовольствіе.

— Позвольте, мосье Ридигеръ, какъ-же это? Вы пріѣхали по вашимъ-же словамъ очень надолго, а теперь желаете уѣхать не только сами, но и взять съ собою Герца.

— Шейхъ, вы забыли еще одного — Кастаньяро.

— Кастаньяро ? Вотъ еще новость! Его я не отпущу!

— Отчего, шейхъ? Эта скотина не нужна вѣдь вамъ? . . .

— Вотъ именно потому и не отпущу, что не нужна. Съ этой скотиной я самъ желаю расправиться. Я увѣренъ, если бы онъ такъ звѣрски не избилъ эту дѣвушку, она не убѣжала-бы. Онъ терроризировалъ ее, довелъ до отчаянія.

— Да, вы пожалуй правы. Я понимаю ваше желаніе раздѣлаться съ этимъ злобнымъ тупымъ животнымъ, и поэтому я буду настаивать, шейхъ: отпустите его домой.

— Это уже совсѣмъ непонятно!

— Поймите, шейхъ, поймите, если я дамъ вамъ честное слово, что въ предѣлахъ Италіи въ теченіи первыхъ же двадцати-четырехъ часовъ, Кастаньяро будетъ схваченъ и угодитъ на каторгу. Удовлетворитъ ли это васъ?

— До извѣстной степени. Но какія гарантіи, что это произойдетъ именно такъ?

— Гарантіи? Во-первыхъ, мое слово, а во-вторыхъ, вашъ умъ, умѣющій разбираться во всемъ. Согласитесь сами: за какимъ чортомъ я заботился-бы о спасеніи такого дурака и гнуснаго негодяя, какъ Кастаньяро? Воспользоваться его услугами? Да какія онъ можетъ оказать услуги съ его внѣшностью? Она его будетъ компрометировать на каждомъ шагу. Я его сразу отдамъ въ руки полиціи, а безъ меня онъ очутился-бы въ ея рукахъ черезъ нѣсколько дней, вотъ и вся разница.

— Вы правы, — согласился шейхъ. — Берите его, но сами вы, сами зачѣмъ уѣзжаете?

— Затѣмъ, шейхъ, что тамъ я буду гораздо полезнѣе вамъ и вашему дѣлу, чѣмъ здѣсь. Здѣсь мы въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и большой политики, а тамъ и большія дороги и большая политика. Тамъ я заинтересую и безъ того интересной фигурой вашей кой-какіе круги. Мы затѣемъ большую игру, появятся большія средства и большія возможности. Шейхъ, не забывайте, что въ наше прозаическое время герои не создаются событіями, а фабрикуются политическими дѣятелями и банкирами. Усвоивъ это, надѣюсь, вы не станете меня удерживать. Что-же касается Герца, этотъ ловкій человѣкъ будетъ моей правой рукою. Черезъ мѣсяцъ мы вернемся и вы увидите, съ какими блестящими результатами! Вы увидите! Фигурально выражаясь, мы за этотъ мѣсяцъ постараемся выковать достойный пышный тронъ для калифа Сѣверной Африки.

Въ такомъ случаѣ — поѣзжайте! И да поможетъ вамъ Аллахъ,—съ загорѣвшимися глазами отвѣтилъ Ахметъ, — будутъ хорошія вѣсти — сообщите!

— Непремѣнно!

— Когда вы желаете ѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хотя-бы даже завтра.

Началась комедія.

Кастаньяро и въ самомъ дѣлѣ получилъ паспортъ на имя не то Мустафы, не то Кемаля, не то какого-то Омара или Гуссейна. Словомъ, Кнапъ превратилъ его изъ итальянца въ араба и Кастаньяро долженъ былъ вырядиться въ какой-то экзотическій костюмъ, настоящими арабами никогда не надѣваемый.

Но этотъ благодѣтель Ридигеръ сказалъ: „такъ нужно, такъ будетъ лучше", а слѣдовательно, какіе могутъ быть разговоры? Герцъ забронированъ былъ швейцарскимъ паспортомъ на имя Шмидта, одного изъ тѣхъ Шмидтовъ, что десятками тысячъ разбросаны по всему свѣту.

Али-Ахметъ чествовалъ отъѣзжающихъ прощальнымъ обѣдомъ. Кастаньяро на этомъ обѣдѣ блисталъ своимъ отсутствіемъ, хотя и былъ въ числѣ отъѣзжающихъ.

Зато онъ присутствовалъ на интимномъ ужинѣ, данномъ германскими офицерами. Ужинъ этотъ не отличался отъ всѣхъ предыдущихъ ужиновъ. Такъ-же много пили, такъ-же пьянѣли, такъ-же одинъ изъ офицеровъ помоложе, одѣтый балериною, отплясывалъ на столѣ неприличный, разухабистый танецъ и такъ-же пѣли фальшивыми голосами:

„Deutschland, Deutschland über alles!"

Единственнымъ утѣшеніемъ было для Кнапа, что зрителемъ и участникомъ всей этой пошлости онъ является уже въ послѣдній разъ.

Самодовольные нѣмцы, влюбленные въ себя и въ свой „фатерландъ", успѣли порядкомъ-таки ему надоѣсть. Какъ полякъ, онъ терпѣть ихъ не могъ.

На другой день караванъ изъ пяти верблюдовъ, провожаемый нѣсколько километровъ гарцующими и стрѣляющими въ воздухъ наѣздниками, двинулся въ томъ направленіи, гдѣ пустыня упиралась желто-бурыми песками своими въ теплое Средиземное море.

Чудесное путешествіе и даже безъ обычнаго африканскаго зноя. Разумѣется, было жарко, но жара — вполнѣ терпимая.

Кнапъ, сидя въ своемъ ковровомъ сѣдлѣ и, раскачиваясь въ тактъ съ верблюдомъ, чувствовалъ себя великолѣпно. Герцу и Кастаньяро мѣшала чувствовать себя великолѣпно неотступная мысль, сверлившая мозгъ.

—Что-то ждетъ ихъ тамъ, за роковой линіей, когда послѣдніе итальянскіе блокгаузы будутъ не впереди еще, а позади? Сумѣетъ-ли этотъ всемогущій и всюду проникающій Ридигеръ уберечь своихъ спутниковъ отъ чрезмѣрнаго вниманія чиновъ политической полиціи? Сумѣетъ-ли?

Занятые, каждый по-своему, этими невеселыми думами, и Кастаньяро и Герцъ не могли всецѣло отдаться захватывающему очарованію пустыни, разметавшейся безъ конца-краю . . .

Маленькій караванъ оживлялъ этотъ мощный, такой величаво-бѣдный, величаво-скупой ландшафтъ, гдѣ только и было: песокъ и небеса, небеса и песокъ . .

На этомъ пескѣ верблюды оставляли узкую длинную вереницу слѣдовъ своихъ копытъ. Набѣгалъ вѣтерокъ и, словно разглаживая на чьемъ-нибудь челѣ морщины, заметалъ слѣды и они исчезали и самый опытный глазъ, глазъ двуногаго шакала, не могъ-бы ихъ разыскать.

Ѣхали на верблюдахъ только бѣлые: трое нашихъ знакомцевъ, да еще слуга Кнапа, нанятый имъ въ Триполи по рекомендаціи капитана Санъ-Феличе.

Туземцы - погонщики шли за верблюдами всю дорогу, а то и бѣжали, когда эти несуразныя животныя переходили въ широкую тряскую рысь. Погонщики сами вызывали эту рысь, начиная тянуть и крутить мозолистые короткіе верблюжьи хвосты. Верблюды не выносятъ такого непочтительнаго отношенія къ своимъ безволосымъ, какъ обрубокъ веревки, хвостамъ. Самые лѣнивые,

самые тяжелые на подъемъ спѣшатъ ускорить свой аллюръ, иногда включительно до галопа, дѣлающаго всю фигуру верблюда и смѣшной, и нелѣпой, и безобразной. А, между тѣмъ, этотъ верблюжій галопъ быстрѣе лошадинаго, такъ какъ ноги средняго верблюда въ полтора раза длиннѣе ногъ самой крупной лошади.

Когда верблюдъ переходитъ въ аллюръ болѣе быстрый, чѣмъ шагъ, погонщикъ, чтобы поспѣть за животнымъ, держится за стремя и по инерціи мчится впередъ, словно какой-то посторонней силою бросаемый все дальше и дальше.

Юные погонщики, мальчики и подростки, обладающіе неутомимымъ сердцемъ и такой-же неутомимой рѣзвостью ногъ и всего тѣла, сплошь да рядомъ, ничуть не прибѣгая къ стремени, бѣгутъ рядомъ, бѣгутъ, ни на одинъ шагъ не отставая, на протяженіи многихъ километровъ.

Вотъ послѣдніе разъѣзды всадниковъ Али-Ахмета. Послѣдніе. Дальше уже начинается зона, полоса, которую зовутъ либо мертвой, либо нейтральной. Въ эту полосу арабы, явно, средь бѣла дня, проникать уже не рѣшаются. Итальянскіе блокгаузы могутъ встрѣтить ихъ огнемъ.

Караванъ двигался съ отмѣнной быстротой. Покинулъ онъ ставку Али-Ахмета раннимъ утромъ, а еще засвѣтло успѣлъ очутиться въ нейтральной полосѣ.

Кнапъ приказалъ держать прямо на блокгаузъ, выдѣлявшійся и своимъ бетоннымъ массивомъ и цилиндромъ своихъ сторожевыхъ башенъ.

За нѣсколько шаговъ отъ блокгауза караванъ остановленъ былъ кавалерійскимъ разъѣздомъ. Вѣжливо козырнувъ, офицеръ — начальникъ разъѣзда, съ такой-же самой вѣжливостью попросилъ документы. Убѣдившись, что они въ полномъ порядкѣ, онъ разрѣшилъ каравану двигаться дальше.

Кастаньяро и Герцъ пережили нѣсколько непріятныхъ минутъ, пока офицеръ знакомился съ ихъ паспортами. Малѣйшее подозрѣніе — арестъ и . . . даже думать страшно, что могло-бы таиться вслѣдъ за этимъ „и“.

Но къ великой радости обоихъ негодяевъ все сошло великолѣпно. Офицеръ не удостоилъ даже взглядомъ ни того, ни другого. И ни тотъ, ни другой не подозрѣвали, что такъ благополучно будетъ все итти лишь до того момента, пока самъ Ридигеръ не пожелаетъ заковать ихъ въ стальные наручники.

Но зачѣмъ спѣшить? Они все равно въ его власти.

Хотя Герцъ былъ далекъ отъ мысли, что Ридигеръ заманиваетъ его въ ловушку, однако легкая тревога овладѣвала Герцомъ по мѣрѣ приближенія каравана къ городу Триполи.

Герцъ никогда не былъ военнымъ въ профессіональнымъ значеніи этого слова, но шпіонажемъ заниматься ему приходилось — и поэтому крайне удивило его слѣдующее обстоятельство:

Ридигеръ такъ долго и убѣдительно рисовалъ ему картину лихорадочныхъ приготовленій итальянскаго корпуса къ наступленію, елико возможно скорѣйшему. Къ своему изумленію, которое никакъ нельзя было назвать радостнымъ, Герцъ не замѣчалъ никакихъ приготовленій. А они должны были-бы бросаться въ глаза на каждомъ шагу, вездѣ и повсюду

Гдѣ сто пятьдесятъ обѣщанныхъ Ридигеромъ аэроплановъ? Хотя они, можетъ быть, стоятъ гдѣ нибудь на аэродромѣ возлѣ самаго Триполи. Это возможно. Въ воздухѣ летѣть имъ не болѣе часу по прямой линіи до столицы будущаго императора Сѣверной Африки. Но сухопутныя войска, — пѣхота, артиллерія, танки, обозы, конница, — все это должно уже давать себя чувствовать, а между тѣмъ Герцъ не чувствовалъ

ничего. Впечатлѣніе обыкновенной, мирной обстановки.

Верблюдъ Герца шелъ въ хвостѣ за верблюдомъ Кнапа. Желая успокоить себя хоть немного, Герцъ, ударивъ своего верблюда, поравнялся съ Кнапомъ.

— Слушайте, Ридигеръ, какъ это объяснить?

— Что?

— Да вотъ вы говорили о наступленіи, которое готовится въ такомъ галопирующемъ темпѣ. Я ничего не вижу.

— А что-бы вы хотѣли видѣть?

— Какъ, что? Гдѣ стягиванье пѣхотныхъ колоннъ и кавалерійскихъ? Гдѣ танки, гдѣ легкая и тяжелая артиллерія? Наконецъ обозы? Для такой экспедиціи необходимы сотни грузовыхъ автомобилей и тысячи верблюдовъ. Гдѣ-же все это?

— Гдѣ? Ха, ха, ха, милый Герцъ, какой-же вы нетерпѣливый! — засмѣялся Кнапъ подъ своимъ тропическимъ шлемомъ. — Какой вы нетерпѣливый! Вы думаете, что наступленіе — миражъ. Смѣю увѣрить васъ — это сама реальность! Все то, что вамъ хотѣлось-бы видѣть движущимся въ пустыню, все это еще находится на транспортахъ и, вѣроятно, со дня на день начнется выгрузка. И наконецъ вы слишкомъ требовательны! Вѣдь я-же не начальникъ итальянскаго генеральнаго штаба. Да онъ и самъ, вѣроятно, въ точности еще не знаетъ дня и часа наступленія, а вы хотите, чтобы это зналъ я?

— Да, да, вы правы — согласился Герцъ и понемногу успокоился.

Кастаньяро по лѣнивой тупой апатичности своей далекъ былъ отъ того, чтобы обратить вниманіе на то, на что обратилъ вниманіе Герцъ, и поэтому былъ совершенно спокоенъ.

Прибыли въ городъ ночью. Остановивлись въ лучшей гостиницѣ „Альберго-ди-Рома“. Кнапъ

снялъ рядомъ три комнаты: одну для себя, другую для Герца, третью для Кастаньяро.

Онъ сказалъ:

— Я уйду по дѣламъ на часокъ, а мой вамъ добрый совѣтъ не показывать и носа своего въ корридоръ. Сидите по своимъ комнатамъ. Излишняя осторожность никогда не мѣшаетъ.

Тбѣдившись, что оба, напуганные имъ преступника самымъ искреннимъ образомъ послѣдовали его совѣту и забились по своимъ комнатамъ, Кнапъ опустился въ бель-этажъ, и постучалъ герцогу къ Санъ-Феличе, жившему въ „Альберго-ди-Ромо".

Капитанъ уже спалъ. Разбудивъ его, Кнапъ условно себя назвалъ въ замочную скважину.

Герцогъ открылъ дверь и впустилъ поздняго гостя.

— Извините, что я васъ принимаю въ пижамѣ. Но уже второй часъ ночи.

— Это вы меня извините, герцогъ, что я врываюсь къ вамъ въ такое позднее время.

— Ну, что? Какія вѣсти? — схватилъ Санъ-Феличе за руки знаменитаго сыщика. — Что Дина-Белла? Можетъ быть она съ вами? Говорите-же, говорите! — и при свѣтѣ зажженной электрической лампочки, герцогъ впивался глазами въ лицо Кнапа, но это худое костистое лицо хранило неподвижность, не обѣщавшую ничего отраднаго.

Кнапъ молчалъ. Да и что онъ могъ сказать?

— Она тамъ? Вы не могли спасти ее? — упавшимъ голосомъ спросилъ герцогъ.

— Ваша свѣтлость, Бога ради не волнуйтесь. Вспомните, вы мужчина, солдатъ, и приготовьтесь, приготовьтесь . . .

— Къ самому худшему? — перебилъ Санъ-Феличе. — Говорите, не мучьте меня, говорите! Ее обезчестили? Да? — допытывался онъ съ лицомъ, искаженнымъ нестерпимой мукою.

— Нѣтъ, Дина-Белла исчезла.

— Исчезла?

— Да. Убѣжала съ конной прогулки, ошеломивъ приставленнаго къ ней араба и пересѣвъ на его лошадь . . . И погоня по слѣдамъ и всѣ дальнѣйшіе поиски, все это не дало не только никакихъ результатовъ, но даже хотя-бы косвенныхъ намековъ . Признаться, до послѣдняго момента у меня было смутная надежда, что она здѣсь, что ей удалось добраться . Но, вопервыхъ, объ этомъ-бы знали на границѣ, а, вовторыхъ, самый вопросъ вашей свѣтлости исключаетъ всякую . . .

Охваченный минутнымъ оцѣпенѣніемъ Санъ-Феличе все равно не услышалъ-бы конца фразы, если-бы Кнапъ даже докончилъ ее.

Да, это было только минутное оцѣпенѣніе. Капитанъ овладѣлъ собою, заставилъ себя овладѣть.

Онъ не только мужчина, любящій, такъ сильно любящій эту дѣвушку, исчезнувшую, быть можетъ, для него на вѣки вѣчные, но и офицеръ, человѣкъ долга и чести, а гдѣ вопросъ касается прямыхъ обязанностей и долга, тамъ все личное должно отходить на второй планъ, и тѣмъ болѣе, не должно замѣчаться даже постороннимъ глазомъ. Въ такихъ традиціяхъ воспитывали его въ фамильномъ палаццо герцоговъ Санъ-Феличе, а затѣмъ въ кавалерійскомъ училищѣ.

А долгъ ему диктовалъ прежде всего озаботиться участью двухъ легіонеровъ, двухъ его солдатъ, которыхъ онъ, какъ начальникъ, послалъ въ львиную пасть. И вотъ неизвѣстно, что съ ними, удалось-ли имъ ускользнуть, или эта страшная пасть на вѣки поглотила ихъ.

16. Маска сброшена.

Въ такомъ духѣ и заданъ былъ вопросъ Кнапу.

Кнапъ въ подробностяхъ описалъ все, уже извѣстное читателю, все, до того включительно, какъ Али-Ахметъ хотѣлъ предать публичной казни обоихъ легіонеровъ.

Съ мучительнымъ волненіемъ слушалъ герцогъ этотъ разсказъ и облегченный вздохъ вырвался у него и все лицо просвѣтлѣло, когда описаніе дошло до того мѣста, гдѣ Кнапу удалось вырвать у шейха помилованіе осужденныхъ.

— Вы благородный человѣкъ! Это уже не услуга, это геройскій поступокъ! — съ чувствомъ воскликнулъ герцогъ, сжимая руку знаменитаго сыщика.

— Полноте, ваша свѣтлость. Вы преувеличиваете мое заступничество . . Каждый порядочный человѣкъ поступилъ-бы такъ-же на моемъ мѣстѣ . . .

— Каждый? Въ томъ-то и дѣло, много-ли вообще порядочныхъ людей? Они — исключеніе, а правило — сухіе, думающіе о себѣ эгоисты. Ну, хорошо, а что-же дальше съ ними?

— Дальше? Я могъ ихъ спасти только одной цѣною, цѣною того, что они, для видимости хотя-бы, поступятъ на службу къ Али-Ахмету въ качествѣ инструкторовъ. Мнѣ самому это не улыбалось, но увѣряю васъ, ваша свѣтлость, другого выхода не было. Важно выиграть время.

— Да, вы правы, милый Кнапъ. Другого выхода не было. А теперь вся надежда — на время. Я готовъ многое сдѣлать для ихъ спасенія. И

если-бы понадобился выкупъ, я не остановлюсь передъ крупною суммою денегъ.

— Это залогъ успѣха. За хорошія деньги можно, если и не выкупить ихъ—въ этомъ я сомнѣваюсь: надо знать Али-Ахмета, какъ я успѣлъ его узнать, — а выкрасть при помощи арабовъ, мѣстныхъ, или тамошнихъ . За деньги они бросятся въ любую авантюру.

— Займитесь этимъ, — предложилъ герцогъ.

— Охотно займусь, ваша свѣтлость, но сначала я обязанъ довести до конца дѣло этихъ двухъ негодяевъ — Герца и Кастаньяро. Они оба здѣсь.

— Какъ, они здѣсь? — вырвалось у Санъ-Феличе. — Но гдѣ-же?

— Тамъ-же, гдѣ и мы съ вами, въ „Альберго-ди-Рома".

— Вы ихъ держите подъ ключомъ?

— И не думаю! Зачѣмъ? Надежнѣе ключей тотъ страхъ сдѣлать хотя-бы шагъ безъ меня, страхъ, который парализуетъ обоихъ

— Какъ-же вы намѣрены поступить съ ними?

— Что касается Кастаньяро, его необходимо отдать въ руки мѣстныхъ властей, какъ итальянца, и какъ совершившаго преступленіе на итальянской территоріи. Герцъ-же преступникъ международный. Главные кровавые грѣхи его приходятся на долю Испаніи . Я намѣренъ лично доставить его въ Мадридъ.

— Это невозможо, никакъ невозможно! — запротестовалъ Санъ-Феличе. — Герцъ дезертиръ нашего иностраннаго легіона и какое намъ дѣло до его испанскихъ похожденій?.. Я думаю вы согласитесь со мною.

— Вѣрно . . . Я совсѣмъ упустилъ это . . . Ничего не могу возразить вашей свѣтлости. Онъ прежде всего дезертиръ и поэтому вамъ надлежитъ получить его изъ рукъ въ руки.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — подхватилъ Санъ-Феличе. Гораздо лучше арестовать его

пятью минутами раньше, чѣмъ одной минутою позже.

— Правильно! О, если-бы жандармерія и полиція всего міра навсегда твердо усвоила эту здравую и простую философію! Лучше пятью минутами раньше, чѣмъ одной минутою позже. Какъ желательно вашей свѣтлости технически осуществить самый арестъ?

— Я сейчасъ протелефонирую въ штабъ, вызову полевыхъ жандармовъ, и тѣмъ временемъ, одѣнусь. Да, кстати, вы не исключаете вооруженнаго сопротивленія? У нихъ имѣются револьверы?

— Револьверы есть, но это не опасно, — улыбнулся Кнапъ.

— Какъ не опасно?

— Мой слуга перезарядилъ оба револьвера безъ вѣдома хозяевъ . . . Фальшивые патроны съ пулями, но безъ пороха.

— Вы на рѣдкость предусмотрительны!

— Ничего не подѣлаешь, такова уже профессія моя: все взвѣсить, все предусмотрѣть и на нѣсколько метровъ въ глубину видѣть, что дѣлается подъ землею .

Санъ-Феличе позвонилъ въ штабъ и черезъ пять минутъ уже былъ въ походной формѣ съ саблею и револьверомъ.

Рѣшили такъ:

Сначала ими займется Кнапъ. Онъ соединитъ обоихъ преступниковъ въ одной комнатѣ и лишь только дастъ сигналъ — распахнетъ дверь — войдетъ капитанъ Санъ-Феличе вмѣстѣ съ жандармами.

Кнапъ сначала заглянулъ къ Герцу. Тотъ сидѣлъ задумавшись и встрепенулся при появленіи Кнапа.

— Однако, я вижу, нервочки у васъ пошаливаютъ, — замѣтилъ Кнапъ.

— Нервы? Не думаю. Усталость съ дороги. Но какъ-же дальше, Ридигеръ? Долго мы останемся здѣсь?

— Какой вы нетерпѣливый! То не давали мнѣ покоя, почему не видно признаковъ готовящагося наступленія, а теперь — долго-ли пробудемъ здѣсь? Разъ вы утомлены дорогой, думайте о мягкой удобной постели, а не о томъ, чтобы сорвавшись ночью, летѣть неизвѣстно куда. Пароходъ только въ полдень снимается.

— Вѣрно, вѣрно . . Я и не подумалъ

Правильныя черты лица Герца подергивались, утративъ свою обычную благообразность. Ему было очень, очень не по себѣ. Куда дѣвался холодный, спокойно-жестокій, дѣйствующій, какъ умная человѣческая машина, преступникъ? Быть можетъ звѣринымъ инстинктомъ своимъ онъ чуялъ затаившуюся гдѣ-то близко опасность.

— Пойдемъ провѣдать Кастаньяро. Я думаю, намъ будетъ веселѣе втроемъ .

Кастаньяро, гораздо болѣе тупой, гораздо менѣе чуткій, гораздо проще переживалъ свое одиночное заключеніе въ комнатѣ гостинницы, чѣмъ его сосѣдъ. Онъ лежалъ на кровати, мыча себѣ подъ носъ какой-то заунывный мотивъ, и всей своей бородатой массивной фигурой и бѣдностью мотива напоминая пещернаго человѣка, одѣтаго въ нелѣпо-цвѣтной экзотическій костюмъ, очутившагося въ культурной обстановкѣ. Съ появленіемъ Герца и Кнапа онъ даже не пошевельнулся и не пересталъ бубнить подъ носъ то, чего никакъ нельзя было назвать „напѣвомъ".

Онъ только уронилъ черезъ минуту, не мѣняя позы:

— Жрать хочется! Готовъ заплатить двойную цѣну, только-бы мнѣ приготовили ужинъ. Хорошо-бы съѣсть два-три бифштекса съ кровью . . .

— Погодите, успѣете еще — сказалъ Кнапъ, незамѣтно однимъ ухомъ настараживаясь. Чут-

кій слухъ его поймалъ крадущіеся шаги. Много шаговъ. Подходили вызванные герцогомъ жандармы.

— Кто это шатается ночью по корридорамъ? Совсѣмъ не время! — насторожился въ свою очередь Герцъ, воровскимъ незамѣтнымъ движеніемъ пытаясь вынуть изъ задняго кармана револьверъ и впиваясь въ Кнапа взглядомъ, полнымъ самой откровенной подозрительности и еще чего-то болѣе остраго, остраго, какъ лезвіе кинжала, или какъ ненависть.

Кнапъ понялъ: комедія кончилась, карты открыты, маска сорвана. Довольно, пора дѣйствовать!

Въ рукавѣ у него запасливо былъ припрятанъ маленькій браунингъ. Не успѣлъ еще Герцъ вынуть свое оружіе, какъ почувствовалъ себя подъ наведеннымъ дуломъ браунинга.

— Не шевелитесь. Не шевелитесь оба! Кастаньяро — лежать, а Герцъ — стоять смирно! Вотъ такъ! Малѣйшее движенье и моя игрушка сама начнетъ стрѣлять. — Кастаньяро тупо глядѣлъ на Кнапа. Тяжело работающіе мозги атлета еще не успѣли подсказать ему, что означаетъ вся эта рѣзкая перемѣна въ такомъ недавнемъ благодѣтелѣ?..

Зато Герца трясло всего. Трясло двойнымъ ощущеніемъ. Бѣшенство и никогда еще не испытанный въ такой мѣрѣ страхъ за свою шкуру. Никогда еще не бывалъ онъ въ такомъ безвыходномъ положеніи.

— Что это? Ловушка? Западня? Что это такое, господинъ Ридигеръ? Если вы, вообще, Ридигеръ, а не кто-нибудь другой?

— Вы не ошиблись. Я такой-же Ридигеръ, какъ и вы. Послѣ того, какъ вы назывались и барономъ Звампсю и кѣмъ вы только не назывались, — почему-же, спрашивается, и мнѣ не украшать себя какими угодно псевдонимами?.. Герцъ, я

приказалъ не шевелиться, иначе   Итакъ, вы хотите что-то сказать?

— Кто вы? Чортъ, дьяволъ? — прохрипѣлъ Герцъ. На его губахъ пузырьками выступила пѣна.

— О, нѣтъ! Зачѣмъ-же? Я обыкновенный смертный, самый обыкновенный. Ничего демоническаго нѣтъ во мнѣ. Кастаньяро, — лежать спокойно! Да, да, Герцъ, ничего демоническаго, — а, впрочемъ, позвольте представиться: Кнапъ, къ вашимъ услугамъ!

— Кнапъ? — только и могъ проговорить Герцъ.

— Онъ самый! Слушайте, Герцъ, вы профессіоналъ въ своемъ дѣлѣ, я — въ своемъ. И мы поймемъ другъ друга, у каждаго изъ насъ есть профессіональное самолюбіе, нѣчто въ родѣ артистической жилки... Сознаюсь вамъ — я былъ больно уязвленъ въ своемъ самолюбіи, когда въ Римѣ, помните, явившись арестовать васъ, очутился, какъ болванъ, въ пустомъ номерѣ. Птичка улетѣла, оставивъ на память о себѣ коечто изъ вещей и платья. И я тогда-же сказалъ себѣ: Эта ловкая каналья Герцъ оставила меня въ дуракахъ, но и тутъ-же прибавилъ: смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній. Не скрою, вы доставили мнѣ много хлопотъ, заставили продѣлать разъ-другой лишнюю пару тысячъ километровъ. Но говорится: волка ноги кормятъ, а развѣ мы съ вами, Герцъ, не двуногіе волки? Такъ-то, миленькій. Нѣтъ, я радъ, очень радъ. Я сегодня себя чувствую именинникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумать только: въ теченіи многихъ лѣтъ охотились за вами лучшіе европейскіе детективы и — безо всякаго успѣха! Вы ускользали отъ нихъ, какъ фантомъ и смѣялись надъ ними . . . Смѣялись, совершая все новыя и новыя преступленія, и вотъ наконецъ мнѣ, мнѣ суждено посмѣяться надъ вами .

— Не рано-ли? — прошипѣлъ сквозь стиснутые зубы Герцъ. — Не рано-ли еще, господинъ Кнапъ? Пока моя голова у меня на плечахъ, я не буду терять надежды встрѣтиться съ вами при иныхъ условіяхъ. И тогда . .

— Другъ мой, надежда, вообще, вещь хорошая, но, въ данномъ случаѣ, я сомнѣваюсь, чтобы намъ суждено было еще разъ встрѣтиться, по крайней мѣрѣ, на этомъ свѣтѣ. Васъ ждетъ военно-полевой судъ, а съ нимъ, какъ вы знаете — шутки плохія! Однако, довольно! Моя роль кончена, — и съ этими словами, держа обоихъ подъ прицѣломъ своего браунинга, Кнапъ, отходя назадъ, нащупалъ лѣвой рукою дверь, распахнулъ ее и тотчасъ-же сдѣлалъ шагъ въ сторону.

Первый вошелъ герцогъ Санъ-Феличе, а за нимъ шесть видныхъ и рослыхъ жандармовъ вооруженныхъ маленькими карабинами.

